

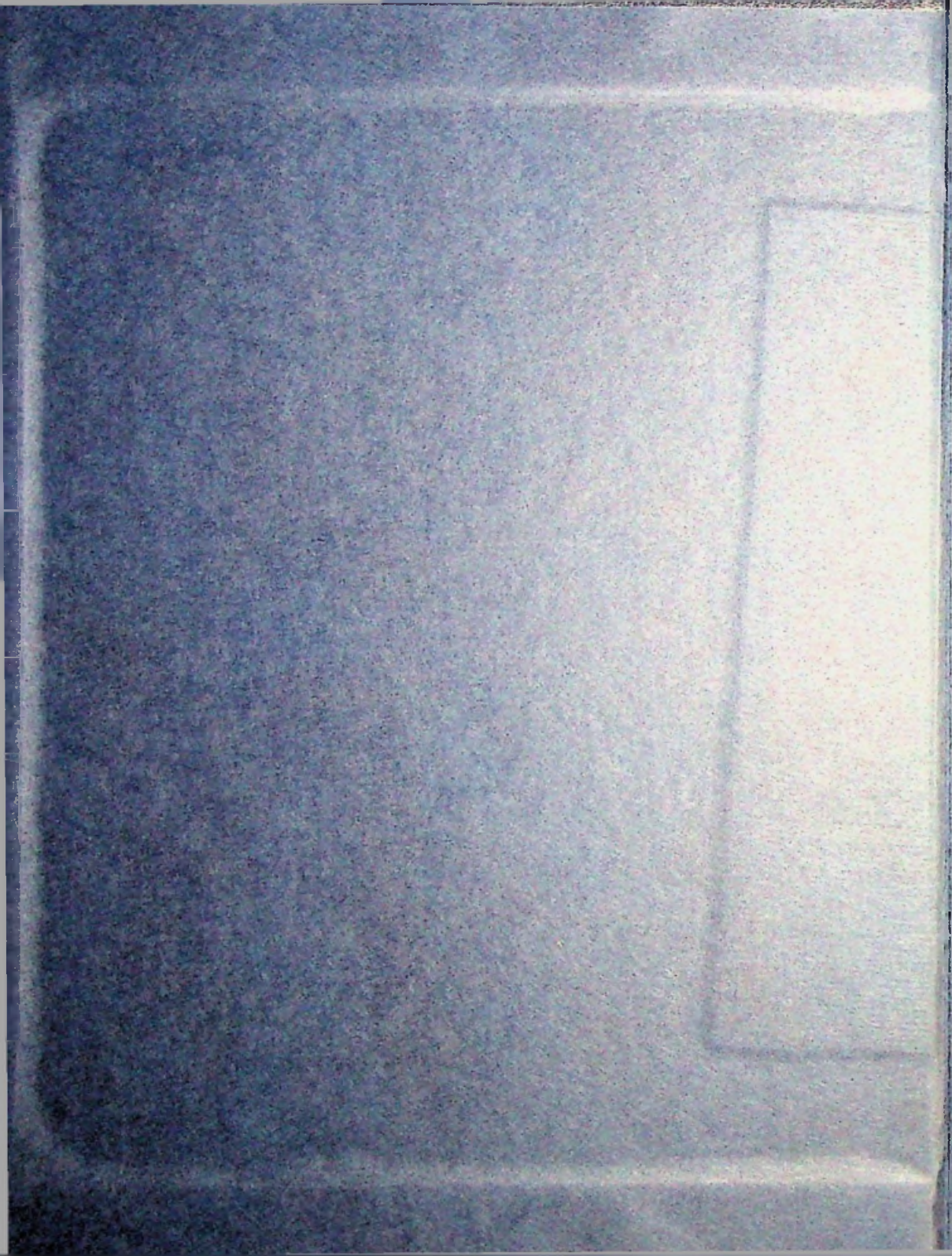

Бекир Чобан-заде

Җыңч татар чәләнде...

В тихой татарской степи...

Конъялумни кбайгъылар кемирип тургъанда,
Халкъымны тынышсыз йылдызы ургъанда,
Тувгъан тиль, башкъасы акълыма кельмий,
Сир буюк сырымсынъ, душманлар бильмий...

В печали и скорби, средь горя и бег,
Во тьме и когда наступает рассвет,
Родной мой язык, без тебя не могу
А тайну твою не открою врагу.

(1893-1937)

ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ
ԴԱՄԱՐԱՆԻ
ԳՐԱԴԱՐԱՆ

Бекир Чобан-заде

Тынч татар чёлюнде...

В тихой татарской степи...

Шиирлер, икяелер • Стихотворения, рассказы

Симферополь
И. Гаспринский адына Медиамеркез • Медиацентр им. И. Гаспринского
2023

И. Гаспринский адына
кырымтатар
Джумхуриет
кутлюпхавеси

КрТ 12.522

УДК 821.512.19

ББК 84(Крмтат)

Ч-75

Издано при поддержке Государственного комитета по делам межнациональных отношений Республики Крым Государственным автономным учреждением Республики Крым «Медиацентр им. Исмаила Гаспринского» за счёт средств федерального бюджета и бюджета Республики Крым. Одобрено Консультативным советом по изданию социально значимой литературы на родных языках при Государственном автономном учреждении Республики Крым «Медиацентр им. Исмаила Гаспринского»

Не подлежит коммерческому распространению

Ч-75 Чобан-заде Б.

Тынч татар чѣлюнде.. : *шиирлер, ихяелер* / тертип эткен А. Эмиров. — Симферополь : КъДЖД ММ «И. Гаспринский адына Медиамеркез», 2023. — 160 с. — Къырымтатар ве рус тиллеринде.

ISBN 978-5-6049922-1-0

Бекир Чобан-заде (1893—1937) иджадий асабалыгъы къырымтатар эдебияты ичюн гъайет зор ве къыйметлидир. Фельсефий теренлик иле юксек бедийлик ташыгъан ве бунынен берабер, бизнеге, окъуйджыгъа яптыгъы инанылмаз тесир кучю иле айрылып тургъан эсерлер Бекир Чобан-заде джамия микъясында улу бир шаир, бир языджи оларакъ танытмакътадыр.

Буюк инсанымизнынъ догъгъанына 130 йылыгъы мунасебети иле нешир этильген «Тынч татар чѣлюнде...» сайлама эсерлер топламына къырымтатарджа ве русча чевириси олмакъ узере шаирнинъ 26 шири ве 2 ихяеси кирсетильгендир.

Къырым ве Къырым тышындаки кенгеш окъуйджы даиресине такъдим этильген бу китап, эжииниз ки, сегги иле къаршыланаджакътыр.

УДК 821.512.19

ББК 84(Крмтат)

Ч-75 Чобан-заде Б.

В тихой татарской степи.. : *стихотворения, рассказы* / составитель А. Эмиров. — Симферополь : ГАУ РК «Медиацентр им. И. Гаспринского», 2023. — 160 с. — На крымскотатарском и русском языках.

ISBN 978-5-6049922-1-0

Значение творческого наследия Бекира Чобан-заде (1893—1937) для крымскотатарской литературы неизмеримо велико. Философская глубина его произведений, их яркая образность и высокая художественность, наряду с невероятной силой воздействия на читателя, позволяют говорить о Бекире Чобан-заде как о писателе мирового уровня.

В сборник его избранных произведений «Тынч татар чѣлюнде...» («В тихой татарской степи...»), издание которого приурочено к 130-летию со дня рождения писателя, вошли 26 его стихотворений и 2 рассказа на языке оригинала и в переводе на русский.

Книга рассчитана на широкий круг читателей не только в Крыму, но и за его пределами. Несомненно, она найдёт живой отклик у читательской аудитории.

УДК 821.512.19

ББК 84(Крмтат)

© Чобан-заде Б., автор, 2023

© Эмиров А. Р., составитель, 2023

© Абдураманова Ш., Голубева О.,

Дружинин С., Макуха П., переводчики, 2023

© ГАУ РК «Медиацентр им. И. Гаспринского», 2023

ISBN 978-5-6049922-1-0

Бекир Чобан-заденинъ
догъгъанына 130 йыл толувъ
лунасебетинен

К 130-летию со дня рождения
Бекира Чобан-заде

«Я ДЖУРТНЫ КЪОРУЙ ДА СЮРЕМИЗ ОМЮР...»

Бир де-бир халкънынъ башына агъыр бир мусибетлер тюшкенде онынъ тарихий мекяныны, тувгъан тилини, медениетини, адет ве анъанелерини къорув ишлери, адети узъре, шу халкънынъ энъ анълы, энъ намуслы ве бильгили векиллери ве бильхасса бедий сёз усталарынынъ омузларына ятар.

Инкъиляпчы рус демократы Александр Герценнинъ фикирине коре: *«Ичтимаий эркинликтен марум олгъан халкъ ичюн озъ гъадабыны, видждан сесини айкъырып эшиттирмеге имкян берген екяне минбер — эдебият-тыр»*.

Къырымнынъ кучюк бир шеэрчиги Къарасубазарда чобан къорантасында 1893 йылы майыс 27-де (эски усулнен 15-те) дюньягъа кельген Бекир Чобан-заде халкъымызнынъ бутюн дерт-къасеветлерини ве арзу-истеклерини аджайип шиир ве икяелеринде буюк усталыкънен ифаде этмеге муваффакъ олды. Онынъ чокъ тарафлы бедий асабалыгъында халкъымызнынъ огюнде тургъан бир чокъ суаллерге джевап тапа билемиз.

1916—1920 йыллары Будапешт шеэрининъ мешур университетинде тасиль алгъан Бекир Чобан-заде тюркшынаслыкъ илимине ильк адымларыны атып, докторлыкъ диссертациясыны къорчалады ве назмиетнинъ индже

«МЫ ЖИВЁМ, ЧТОБ БЕРЕЧЬ НАШ РОДИМЫЙ КРАЙ...»

З ачастую, в години тяжких испытаний сохранение идентичности, духовности, культурно-исторической среды обитания, родного языка, обычаев и традиций народа становятся уделом людей чести, мыслителей и мастеров художественного слова. Говоря словами русского революционного демократа Александра Герцена: *«У народа, лишённого общественной свободы, литература единственная трибуна, с высоты которой он заставляет услышать крик своего возмущения и своей совести...»*¹.

Уроженцу небольшого крымского городка Карасубазара², сыну пастуха, Бекиру Чобан-заде, 130-летие со дня рождения которого отмечается в этом году, удалось в своё время выразить в стихотворениях и рассказах всю глубину тревог, забот и чаяний крымскотатарского народа.

Среди основных тем многогранного литературного наследия Бекира Чобан-заде выделяются те, которые, он считал наиболее важными для сохранения и развития народа. Причём, каждая из них разработана с присущей ему философской глубиной, яркой и своеобразной метафоричностью. И здесь на первом плане, безусловно, безграничная любовь к Родине и родному народу:

¹ Герцен А. И. Собр. соч. Т. 7. 1956. С. 198.

² С 1944 г. Белогорск.

сырларыны менимсеп энъ юксек дереджелерге иришти.
Шаиримизнинъ о девирде язгъан эр бир шиир ве икяе-
синде узакъта къалгъан Ана-Юрты ве халкъына беслен-
ген севги дуйгъулары къайнап ташмакътадыр:

Олемиз оларны онъгъармакъ ичюн...
Татарны тахтына чыгъармакъ ичюн...

Я джуртны къоруй да сюремиз омюр...
Я «Джурт!» деп джана да боламыз комюр...

(«Ой сувукъ шу гъурбет...»)

Шу дуйгъуларыны о бутюн дюнъянен пайлашмагъа
истей:

Буюк ишчи къардашларым, аджынъыз!
Джуртума да мундай джоллар ачынъыз!

Мен де сиздай бир нерсесиз ишчимен...
«Келеджек»ке аман бир джол ишлиймен...

Сырларым бар, айтаджагъым яриме,
Ясанъыз джол меним тувгъан джериме!

Дуйгъуларым Кашгъарларгъа сачайым,
Дертлериме эр къалибни ачайым!

(«Чоюн джол ишчилери»)

Мы умрём, чтобы мир в дом родной пришёл
И татарин опять на престол взошёл...

Мы живём, чтоб беречь наш родимый край.
И с Отчизной сгорим, улета я вдаль...

*(«Как холодна эта чужбина...»,
перевод С. Дружинина)*

Так же обострённо эти мотивы звучат в стихотворении «К строителям чугунок», написанном, как и большинство стихотворений Бекира Чобан-заде, в Будапеште, городе, где в 1916—1920 гг. ему довелось учиться, защитить диссертацию в области языкознания, начать педагогическую и научную деятельность, а также достичь поэтических вершин:

Брат рабочий, ты ведь знаешь, чья земля милей,
Проложи свою дорогу к родине моей.

Я — как все вы, я с работой, как и вы, дружу,
Строю путь к мечте далекой, ей одной служу.

Чтоб сказать я мог любимой о любви своей,
Нужен мне твой путь железный к родине моей.

Чтоб донёс я свои думы в милый отчий край,
Мой любимый, многодумный, стосердечный рай...

*(«К строителям чугунок»,
перевод П. Макухи)*

Белли олгъаны киби, бир чокъ себеplerден долайы
18—19-нджы асырлар ичинде юз бинълердже юртдашлар
ымыз аджыныкълы иджрет ёлуна тюшип, баба-деде
топракъларыны терк этмек зорунда къалды. Не къадар
буюк фаджиа ки, шимди шу бея къайта баштан къоз-
гъалап башламакъта. Бекир Чобан-заденинъ бу хусуста
язгъан сатырлары дерсинъ юз йыл эвель дегиль де, бугунъ
язылгъан кибидир:

Къонъшуларым кочъкенде,
Сонъ къавесин ичкенде,
Ах, табылсам, «Отур!..» — деп,
«Озь юртунъдай ёкътыр», — деп!..

(«Ах, табылсам!»)

Тувгъан тиль, онынъ дигер тюркий тиллерге якъын-
лыгъы ве халкъымыз ичюн олгъан эмиети Чобан-заде-
нинъ яратыджылыгъында энъ муим мевзулардан бири-
дир. Буны «Согъушкъа достлар, хакъ татар тиличюн!» ве,
хусусан, «Тувгъан тиль» шииринде буюк бир джошкъун-
лыкъ иле ифаде эткенини коремиз. Занымджа, бу шиир
бутюн тюркий халкъларнынъ назмиети ичинде Ана тили
мевзусында язылгъан энъ кучъю эсерлерден биридир.

Джырларынъ болмаса, маненъ болмаса,
«Джурт» деген сёзюнъмен джюрек толмаса,

Ах, насыл джюрермен гъурбет якъларда,
Танышсыз, билишсиз джат сокъакъларда?..

Последствием многочисленных бед, обрушившихся на крымских татар в XVIII—XIX столетиях, стал массовый исход крымских татар из Крыма. Приведём лишь одно четверостишие, в котором поэт выражает своё отношение к этой, неожиданно ставшей актуальной и в наши дни, проблеме:

Будет сосед уезжать,
Выйдут его провожать,
Ах, появиться б: «Постой,
Родины нету другой!»...

*(«Ах, появиться бы...»,
перевод О. Голубевой)*

Тема родного языка, его значения для народа и неразрывной близости с другими тюркскими языками красной нитью проходит через всё творчество Бекира Чобан-заде. Эта тема со всей страстью звучит в стихотворениях «В бой, друзья, за настоящий татарский язык!» и, особенно, «Родной язык». Возьму на себя смелость сказать, что второе, безусловно, находится в ряду лучших поэтических произведений, посвящённых родному языку, во всей тюркоязычной поэзии:

Покуда во мне твои песни звучат
И словом Отчизны со мной говорят,

В краях полуночных, где стужа и мрак,
По улицам шумным хожу, как чужак.

Бильмиймен — тюрюкми, татармы адынъ,
Бек яман татлысынъ, Танърыдан тадынъ.

Тюрюк де, татар да сенинъ сёзлеринъ,
Экиси эки чифт мунълу козьлеринъ...

.....
Къабримде мелеклер соргъу сораса,
Азраиль тилимни бинъ кере тораса,

«Озь тувгъан тилимде айт магъа!» дермен,
Озь тувгъан тилимде джырлап олермен...

(«Тувгъан тиль»)

Бекир Чобан-заде белли эдебиятшынас ве эдебий тенкъитчи оларакъ озъ бедий яратыджылыгъыны кыыс-къадан, амма гъает мергин бир суретте шойле тасвирлеген эди: *«Меним языларым ич бир шей косьтермесе де, кзырылгъан, чайпалгъан, бельки бугунъ-ярын олюн, ёкъ болун кетеджек кзырымтатарны, онынъ минлерини, дуйгъуларыны бек яхшы косьтере; бир кунъ келип, тарих Кзырымман огърашса, кзырымтатар кзырымтатарны кзыдырса, меним языларым ортагъа чыкъар...»*.

Бу сёзлер улу юрtdашымызнынъ къалеминден кягъыткъа 1919 сенеси тёкюльген эди. Не языкъ ки, арадан он секиз йыл кечер-кечмез, 1937 сенеси октябрь 13-те залым такъдирнинъ къанунсыз махкеменинъ акъсыз къарарынынъ къурбаны олды. Онынъ ады ве яратыджылыгъы исе партия цензурасы тарафындан узун девир боюнджа къатты суретте ясакълангъан эди.

Ты тюрок, татарин? Не знаю, кто ты,
Но вкус твой от Бога, в нём сладость мечты.

.....
Татарских и тюркских теченье речей,
Меня обнимает печалью очей.

Когда же посланцы за мной прилетят
И Ангел разрежет язык мой сто крат,

Скажу: «Говори на моём языке —
Родном языке, что как сердце в руке!»

(«Родной язык»,
перевод С. Дружинина)

Будучи сам признанным литературоведом и литературным критиком, Бекир Чобан-заде дал короткую и, вместе с тем, ёмкую характеристику своему литературному творчеству: *«Даже если всё написанное мной и малозначительно, тем не менее, оно отражает судьбу надломленного, обездоленного, находящегося на грани исчезновения крымскотатарского народа. Но если случится так, что судьба обратится лицом к Крыму, и крымский татарин вновь будет искать крымского татарина, мои произведения увидят свет и будут востребованы...»¹.*

Эти слова были написаны нашим выдающимся земляком в 1919 г. Однако судьбой ему были уготованы тяжелейшие испытания и трагический конец. Спустя всего

¹ Из предисловия к рукописному сборнику «Къавал сеслерин» («Звуки свирели»), Будапешт, 25.12.1919.

Амма ахыр-сонъу янъы заманлар кельди ве Бекир Чобан-заденинъ умют-хаяллары керчеклешмеге башлады. Онынъ ады тюрк дюньясынынъ энъ буюк алим ве эдиплери сырасында къайта баштан ер алды, эсерлери исе дюнья микъыясында истенильген олды, рагъбет къазанды. Ве тек къырымтатарларнынъ арасында дегиль. Сонъ йыллар ичерсинде онынъ ильмий эсерлери Къырымда, Азербайджанда ве Тюркиеде нешир этильди. Шиир ве икяелери исе рус, украин, маджар, лех, тюрк, азербайджан, озъбек ве бир сыра дигер тиллерге чевирильди.

Зан этсем, Бекир Чобан-заденинъ эдебий мирасыны кениш рус окъуйыджы кутълесине еткизген терджиманларнынъ эмек ве меаретине юксек къыймет кескир. Булар: Къырымда белли шаирлер Петр Макуха, Сергей Дружинин, Ольга Голубева ве Бекир Чобан-заденинъ несир эсерлерини ильк оларакъ русчагъа чевирген эдебиятшынас Шефикъа ханым Абдурамановадыр.

Фурсаттан файдаланып, «Тынч татар чёлюнде...» китабыны неширге азырламагъа исселерини къошкъан бутюн аркъадашларгъа ве шу джумледен И. Гаспринский адына медиамеркезнинъ ве И. Гаспринский адына джумхуриет къырымтатар кутюпханесининъ хадимлерине юректен тешеккюрлеримни бильдирмек истейим.

Айдер ЭМИРОВ

лишь восемнадцать лет, 13 октября 1937 года он пал жертвой огульных обвинений и несправедливого суда, а имя и творчество его на многие десятилетия оказались под строжайшим запретом партийной цензуры.

Прошло время и творчество Бекира Чобан-заде, некогда намеренно отправленное в забвение, наконец получило заслуженное признание. Его имя вновь заняло почётное место в ряду выдающихся учёных-тюркологов и писателей тюркского мира, а литературно-художественное и научное наследие стали востребованы. Причём, не только крымскими татарами. Только за последние годы его научные труды были изданы в Крыму, Азербайджане и Турции, а стихотворения и рассказы были переведены и изданы на русском, украинском, венгерском, польском, турецком, азербайджанском, узбекском и других языках.

Надеюсь, что читатели настоящей книги по достоинству оценят труд переводчиков, благодаря которым литературное наследие Бекира Чобан-заде стало доступным широкому кругу русскоязычных читателей. Это известные крымские поэты Ольга Голубева, Сергей Дружинин, Петр Макуха, а также литературовед Шефика Абдураманова, впервые представившая на русском языке прозаические тексты Бекира Чобан-заде.

Хочу также выразить искреннюю признательность сотрудникам Медиацентра им. И. Гаспринского и Республиканской крымскотатарской библиотеки им. И. Гаспринского за участие в подготовке книги к изданию.

Айдер ЭМИРОВ

ТЫНЧ ТАТАР ЧЁЛЮНДЕ!..

Тынч татар чёлюнде от битмеген,
не макъбул емиш!..
Коп вакъыт бу ёлдан йигит отьмеген,
ёллары кыйыш!..
Тынч татар чёлюнде койлер япылгъан,
инсанлар урькек,
Йигитлер сессиз мезаргъа джыйылгъан,
балалары зейрек¹!..
Тынч татар чёллери, сувлары ичильмий,
уджсуз, буджакъсыз!..
Тынч татар чёллери, къайгъыдан кечильмий,
отсыз, оджакъсыз!..
Тынч татар чёлюне бир боран керек,
бакъалар сусар!..
Байкъушлар, ансыздан тувса бир эркек,
отьерин къусар²!..
Тынч татар чёллерин къургъакълыкъ саргъан,
къан керек, къан!..
Бурада эр кес къой, сыгъыр, я тавшан,
айгиди бир арслан!..

1916 с.
Буданешт

¹ Зейрек — чевик, ачыкъ козь, беджерикли.

² Отьерин къусар — отьлери патлар (пек къоркъар).

KPT-12522

Перевод О. Голубевой

Н.Гаебриеский адыла
кырымтатар
Джумдурис
кутупханеси

АХ, ТАБЫЛСАМ!..

Оксюзде той болгъанда,
Къальби къуванч толгъанда,
Ах, табылсам, йырласам,
Сонъ ойлансам, джыласам!..

Къальбим ташкъан, акъкъанда,
Гонълюм умют якъкъанда,
Ах, табылсам, бакъырсам,
Йигитлерни чагъырсам!..

Гонъюль ап-пакъ экенде,
Баллар «Амин!» дегенде,
Ах, табылсам тилекмен!
Къолумда акъ чичекмен!..

Достлар мени анъгъанда,
Гонъюллери янгъанда,
Ах, табылсам, сарылсам,
Козъден опъсем, айрылсам!..

Къызлар къоран тепкенде,
Козъни козьлер опъкенде,
Ах, табылсам сырада
Яр беклесем къорада!..

Йигит олюм тапкъанда,
Устюн чичек япкъанда,
Ах, табылсам, чынъласам,
Сонъ сёзюни тынъласам!..

АХ, ПОЯВИТЬСЯ БЫ...

Свадьбу справляет село –
Вот сироте повезло!
Ах, появиться б там, спеть,
Слёзы тайком утереть...

Сердце болит и болит,
Только надежда не спит,
Ах, появиться б стремглав,
Смелых джигитов созвав!..

Сердце моё, не остынь,
Дети выводят «Аминь»...
Ах, появиться б с мольбой,
Белый цветок взять с собой...

Вспомнят друзья обо мне
И помолчат в тишине...
Ах, появиться б среди них,
Старых друзей дорогих!..

Девушки в танце плывут,
Счастья взволнованно ждут...
Ах, появиться бы там,
Где обнимал гибкий стан...

Если джигит встретит смерть,
Надо быть рядом успеть...
Ах, появиться б, застать,
Слово его услышать...

Душманларым кульгенде,
Башташымны сильгенде,
Ах, табылсам атланып,
Къамчым дёртке къатланып!..

Баарь джетип кельгенде,
Тав ешерген, кульгенде,
Ах, табылсам джайлавда,
Фындыкъ, джеviz сайлавда!

Молла инкяр эткенде,
Бильгиге терс кеткенде.
Ах, табылсам, бир кульсем,
Зеэрдайын тёкюльсем!

Къонъшуларым кочькенде,
Сонъ къавесин ичкенде,
Ах, табылсам, «Отур!..» — деп,
«Озь юртунъдай ёкътыр», — деп!..

Джигит азиз болгъанда,
Мезары нур толгъанда,
Ах, табылсам, ойлансам,
Къабрин докъуз айлансам!..

Тавлар кольге кергенде,
Ай ышыгъын сергенде,
Ах, табылсам юртумда,
Тагъарчыгъым¹ сыртымда!..

27 июль 1917 с.
Будапешт

¹ Тагъарчыкъ — торба.

Вороны будут кружить,
Камень могильный крошить,
Ах, появиться бы, встать,
Плечью врагов отхлестать!..

Снова начнётся весна,
Горы очнутся от сна...
Ах, появиться б во мгле,
В травы упасть на яйле...

Если мулла людям лжёт,
Тёмным считая народ,
Ах, появиться б, чтоб он
Тут же был смехом сражён!..

Будет сосед уезжать,
Выйдут его провожать,
Ах, появиться б: «Постой,
Родины нету другой!»...

Если погибнет джигит,
Станет святым его лик...
Ах, появиться б, скорбеть,
Вечную славу воспеть...

Горы окутаны тьмой,
Скрыта дорога домой...
Ах, появиться бы мне
Светом в родимом окне...

Перевод С. Голубевой

ТАКЪДИРГЕ

Джаш кызларны дёрт дуваргъа къапап кьойгъан,
Тек факъырнынъ кысметини ашап тойгъан —
Сенсинъ, залым, козюнъ чыкъсын!..
Мезарынъны селлер джыкъсын!..

Тувар-тувмаз сабийлерни алып кеткен...
Коп анайнынъ джаш башына келип джеткен —
Сенсинъ, онъмаз¹; онъма, битме!
Оттан башкъа джерге кетме!

Гъарип халкънынъ бостанына джавдырмагъан,
Бизнинъ якъкъа булутларны авдырмагъан —
Сенсинъ саран, къурсын кьолынъ!
Бильмий къал, эм, сагъынъ, солунъ...

Бирев, бираз къарувланып², котерильсе...
Бираз кунеш табып факъыр шай керильсе...
Сенсинъ, кунни кьырслап къачкъан...
Тюрлю бурчакъ, джашын сачкъан!

«Такъдир булай!..» — деп анайлар куйген вакъыт...
Джылавындан ташнынъ конъли ийген³ вакъыт...

¹ Онъмакъ — гонъюль ферахлыгъына иришмек, бахтлы олмакъ, месут олмакъ.

² Къаруванмакъ — такъатланмакъ.

³ Ийген — сызлагъан.

СУДЬБЕ

Ты та, кто дев живьём хоронит в их стенах.
Лишает нищих крох, что подают в домах.
Ты зла, пусть вытекут глаза,
И твой погост сметёт гроза!

Лишь жизнь затеплилась, ты обрываешь нить.
Ты женщин бьёшь и не даёшь родить.
Будь неудачницей и впредь!
Гореть тебе в огне и тлеть!

Ты не пускаешь дождь в поля простых людей,
Лишая бедняков и в засуху дождей,
Ты скряга, дряхлая рука,
Слепой останься на века!

Бедняк расправит грудь, поднимется с колен,
Немного солнца обретя взамен.
Воруешь солнце, тащишь прочь,
Приносишь град, приводишь ночь!

Когда в печалях мать нам говорит: «Судьба!»,
В том слове плач камней, в том слове их мольба...
Сидишь, поёшь и куришь свой чубук,
И белый саван раскрываешь вдруг...

Ты столько тёмных ям разрыла на пути.
Казалось мне не раз, что их не обойти.

Сен, кѳурула, чубугъынъны ичесинъ,
Джырлай, джырлай, джас¹ урбасын пичесинъ...

Къач керелер джолларыма чукъур къаздынъ!..
Къач керелер манънайыма яслар яздынъ!..
Кене узьдим тузагъынънынъ сынджырларын..
Тез атладым шайтанлыгъынъ чукъурларын...

Емин эттим, такъдир, сенмен чарпышмагъа..
Ольгенгечек къолларынга япышмагъа...

Джолларында меним коксим сед кѳураджакъ..
Козим даим артынъдан шай джувураджакъ...

Ах, тѳшесем чал сакъалынъ бир джолыма!..
Кечсе бир кунъ къалын мойнынъ, ах, къолыма!...

16 сентябрь 1917 с.
Буданешт

¹ Джас (яс) — матем (рус. траур).

Но видя ямы, что копало зло,
Судьбе назло я обходил разлом.

Поклялся я судьбе до смерти биться с ней,
Бросаться на неё вплоть до последних дней...

И на пути ты встретишь грудь мою,
И этот взгляд, тебя я не люблю.

Ах, как бы мне схватить тебя за прядь
И шею толстую руками сжать!..

Перевод С. Дружинина

БИР ЭСИРНИНЪ БАШ ТАШЫНА

Джукъла, достум, къатты демий, джат топракъта,
Озь джуртунъ джокъ болса да — шай бек узакъта...

Джукъла, джатнынъ той сесине баш къалдырмай,
Баарине, бульбулине ич алдырмай...

Бир кунъ келип, бу думанлар котерильсе...
Юджелерден барымызгъа¹ сес берильсе...

Сен де уян, «Аллаһ Аллаһ!..» чынълагъанда,
Фериштелер якъынлардан тынънагъанда...

Силь козюнъни, джигитлердий, атлан, къушан!
Джылдызлардан анъна энди, бек якъын танъ...

Тувушны тут, сонъ джуртунъа юзь чевирип,
Къыл намазынъ, топрагъына бетинъ сюрип...

Нафилени бек узатмай, джолунъа тюш,
Джуртта буюк ибадетинъ иджа тиюш²...

Виран койлер, басыкъ уйлер темелинден,
Шифа алып «ольмез умют» сагъ элинден,

¹ Барымыз — эпимиз.

² Тиюш — керек олгъан, керекли, лязим.

НА МОГИЛЬНЫЙ КАМЕНЬ ПЛЕННИКА

Спи чутким сном, мой друг, постель твоя жестка.
Отчизны больше нет, отчизна далека.

Спи мирным сном травы, наперекор врагам:
Их песням, соловьям, озёрам и лугам.

Но если утром вдруг рассеется туман,
И если к нам с небес ниспустится Коран,

И ангелы вокруг вдруг запоют «Алла!»¹,
Проснись и ты, джигит, здесь есть ещё дела.

Открой глаза и встань, и оседлай коня,
На звёзды посмотри, ведь близится заря.

Взгляни, где Родина и где встаёт восход,
Молись, отри лицо, с землёй смешавши пот.

Оставь желания, пустишь в обратный путь,
Чтобы на Родине взмолиться и вздохнуть.

Деревни и дома разрушены дотла,
Но есть надежда в нас, она ещё светла.

¹ Алла — то же, что и Аллах. Прим. переводчика.

Бизлер энди джурт севдасы башымызда,
Чевре къардаш, алчакъ душман къаршымызда...

Бахт янълышын тюзельтмеге тургъанмыздыр.
Чюрюк джерге «Хакъ!» деп аякъ ургъанмыздыр.

О вакъытта мезарынъны бегенмесенъ,
«Дегенимдай оялмадым, языкъ!», — десенъ,

Джюр согъушлар мейданыны джаяв, атлы,
Бир олюм сеч, оль бир даа татлы, татлы...

*24 декабрь 1917 с.
Будапешт*

Любовь родной земли над нами вновь парит,
И всюду брат родной, а подлый враг бежит.

Мы встали для того, чтоб изменить судьбу
И на гнилой земле ещё свершить мольбу.

Когда же надоест тебе склеп тесный твой,
Скажи: «Мне жаль — не смог погибнуть, как герой».

Спеши опять на бой пешком иль на коне,
Вновь выбираем смерть, где сладко, как во сне.

Перевод С. Дружинина

ОЙ СУВУКЪ ШУ ГЪУРБЕТ!

Ой сувукъ шу гъурбет!.. Атешсиз, нурсыз,
Турмушы бизлерге конъюльсиз, джырсыз...

Бульбули джырласа, мунъларым арта,
Сесчиги азгъана «Борлы»гъа¹ тарта...

Тавларын къарайман, Чатыргъа ошай,
Козълерим джашара, къальбим джумшай...

Булутлар къарара акъырын, акъырын,
Таптайман, ялынъыз, тозлы джолларын...

Тюшкенде джавуны шувуддап, къуйып,
Опъкенде козюмни сыйпалап, суййип.

Ойлайман анамнынъ о бол козьяшларын,
Джуртумнынъ узакъта комюльген джашларын.

Джолумда кулюмсий, къарай къызлары...
Козълерде онъгъанлыкъ, суйгю излери...

Ошатма оларны бахытсыз Эсмагъа,
Къарамай кечемен къайгъыра, къайгъыра...

Мелевше, къаранфиль, сармашыкъ эр ер,
Гуллери ачылгъан, япрагъы къатмер...

¹ Борлы(у) — Къырым ханлыгъы девриндеки арбий марш.

КАК ХОЛОДНА ЭТА ЧУЖБИНА

Та страна холодна! Без огня, луча,
Не по сердцу нам жизнь, где всегда печаль...

И поёт соловей, но тоска растёт,
Словно древний «Борлы»¹ песнь его течёт...

Словно Чатырдаг, цепь чужих вершин,
Подступает слеза, будто без причин...

Облака в даль летят всё мрачней, мрачней,
В степи я один уже столько дней.

Если ливнем падёт на меня их дождь,
Поцелует глаза, успокоит дрожь.

Вспомню мамы моей горькую слезу,
И джигитов моих, что легли в грозу...

Улыбаются мне девушки вдали,
В их глазах столько грёз, счастья и любви...

Но сравню их с тобой, бедная Эсма,
Прохожу стороной, ночь моя темна...

Всюду роз и гвоздик алые цветы,
Раскрывают свои губы-аппетики...

¹ Борлы — военный марш в Красном флоте.

Гуллери бек кызыл, ах насыл кызыл!..
Кызылны нечюн шай сюемен бу йыл?

Кызыл да джуртумнынъ яйласы, кыры,
Кызыл да бу йылнынъ ташкъан Салгыры...

Кызыл да «Джурт» деген юксек манълайлар!
О Ешилъ аданы кызылгъа бояйлар...

Сюемен бу ренки эрен¹ ренги деп,
Эренлер бетинде джурт орьнеги деп...

Меним де кызылгъа боянсын манънайым,
Гизлидже комсюнлер, корьмесин анайым...

Байрамда, сейранда² татар кызылары,
Кунь корип онъмагъан танъ джылдызлары.

Къопарып такъсынлар кокреклерине,
Джурт ашкъы толар тез джюреклерине...

Олемиз оларны онъгъармакъ ичюн...
Татарны тахтына чыгъармакъ ичюн...

Я джуртны къоруй да сюремиз омюр...
Я «Джурт!» деп джана да боламыз комюр...

13 апрель 1918 с.

Буданешт

¹ Эрен — озюни танърыгъа адагъан киши, эвлия.

² Сейранда — кезгенде, долашкъанда.

Их цветы так красны, как они красны!
Почему вновь люблю этот цвет весны?..

И яйла там красна, и отроги скал,
И, разлившись, Салгир в этот год так ал...

Об Отчизне поют те, кто всех умней,
И зелёный наш край стал чуть-чуть красней...

Я люблю этот цвет — это цвет святых,
Вижу древний узор на челах у них...

Пусть мой лоб в этот год тоже станет ал,
Пусть схоронят меня тайно, без похвал...

Пусть на праздник придут девушки мои,
На заре соберут звездные огни.

Заплетут их в пучок и украсят грудь,
Чтоб к Отчизне любовь в сердце вновь вдохнуть...

Мы умрём, чтобы мир в дом родной пришёл
И татарин опять на престол взошёл...

Мы живём, чтоб беречь наш родимый край,
И с Отчизной сгорим, улетая вдаль...

Перевод С. Дружинина

ЭЗАН СЕСИ

Акъшам устю, эзан сеси джанъгъыра,
Дертлиерни Хакъ къатына чагъыра.
Эзан сеси минареден джайыла...
Кокке чыгъа, мунълы, ёргъун байыла...

Чай¹ къатында акъ сакъаллы къартбабай
Титрек къолун салкъын сувда увалай...
Деренлерден «Аллаһ!» сеси хош келе,
Акъ манълайлар джерге тие, юкселе...

Мен гъарипмен, месджидим ёкъ киреджек...
Михрабына² мунълы бетим сюреджек...
Эзан сеси биякъларгъа келялмай,
Татлы, татлы къулагъыма тиялмай...

Акъ сакъаллы къонъшу мазин яшаймы?
Кене «Аллаһ!» деп сёзюне башлаймы?
«Аллаһ!» десе эшиткенлер боламы?..
«Танърым, къуртар!» деп джамиси толамы?..

Ёкъсам кене бир-бирини къаргъайлар?
Бир-бирини джакътырмакъчюн джылайлар?..
Озюн ташлап гъарип джурткъа сарылгъан,
Бармы «Джуртум!» деп сесчиги къарылгъан?..

¹ Чай — кучюк озен.

² Михраб — джами, месджид киби ерлерде Кябе тарафыны
косътерген, диварда олгъан ве имамгъа махсус бир ойыкъ ер.

ЗВУКИ ЭЗАНА¹

В вечерний час эзан звучит, будит нас,
Господь зовёт, в ком есть печаль без прикрас.
Эзан звучит, ввысь уносясь, в поздний час,
Под небеса зовет всех тех, кто угас.

Седой старик к ручью приник, как тростник,
Трясущейся, как лист, рукой моет лик.
Из глубины несётся крик: «О, Алла!»
И никнут лбы, моя любовь к ним светла.

Несчастен я: нет у меня ни жилья,
Ни храма нет, михраба² нет для меня.
Эзан звучит, но дух молчит, к зову глух.
Моих ушей он не достиг, гаснет слух...

Жив ли ещё тот муэдзин весь седой,
Чей зов «Аллах!» нас звал с утра за собой?
И жив ли кто, в ком вера есть за душой,
Кто входит в храм, молясь о нас в дождь и зной.

А может быть здесь все давно враг врагу,
И только плач стоит в домах на снегу?
И есть ли тот, кто позабыв о себе,
Отчизне жизнь готов отдать, как судьбе.

¹ Эзан — призыв к молитве.

² Михраб — ниша в стене мечети, указывающая направление на Мекку.

«Хакъ!» дегенде не дуясыз джурт ичюн?
Джурт кемирген бир къач мельун¹ къурт ичюн?

Эзан сеси биякъларгъа келялмай,
Татлы, татлы къулагъыма тиялмай...

Эп джамилер шай къапанмай бир гедже,
Къарт мазинлер ольмез бурун² гизлидже...
Джыйлышынъыз, эзан сесин къачырмай,
Гунанъызны Салгъырдайын ташырмай...
Къол котерип акъ юрекмен коклерге,
Башынъызны ялмай къойып серт ерге,
Хакъ къатында юрт савлыгъын тиленъиз!
Озинъизге яхшы олжум истенъиз!

Эзан сеси бу якъларгъа келялмай,
Татлы, татлы юрегиме тиялмай...

*16 майыс 1918 с.
Будапешт*

¹ Мельун — лянетли, лянетленген (*рус.* проклятый, окаянный).

² Бурун — бундан эвель.

Напрасно шлёте к небесам свой призыв
О тех, кто Родину грызёт, позабыв.

Эзан звучит, но дух молчит, к зову глух.
Моих ушей он не достиг, гаснет слух...

Мечетей всех, ведь это грех, не закрыть,
И муэдзинам среди нас вечно жить.
Сойдитесь все, чтоб услышать их эзан,
Возденьте руки от души к небесам...
Не стоит изливать грехи, как Салгир.
Пусть с головой уйдёте вы в этот мир.
Просите: «Родине, Господь, дай добра»,
Себе же — смерти, как во сне, до утра.

Эзан звучит, но дух молчит, к зову глух.
Моих ушей он не достиг, гаснет слух...

Перевод С. Дружинина

ТУВГЪАН ТИЛЬ

Сени мен Къырымда, Къазанда таптым,
Джюрегим къайнагъан, ташкъанда таптым...

Джат эльде мугъайып, ачынып¹ джюргенде,
Умютим, хаялым шай тюшип джюргенде,

Мойнунъа сарылдым, дертимни айтып,
Бир гузель сёзюнъмен озюме къайтып...

Джырларынь болмаса, манень болмаса,
«Джурт» деген сёзюнъмен джюрек толмаса,

Ах, насыл джюермен гъурбет якъларда,
Танышсыз, билишсиз ят сокъакъларда?..

Бильмиймен — тюрюкми, татармы адынъ,
Бек яман татлысынъ, Танърыдан тадынъ.

Тюрюк де, татар да сенинъ сёзлеринъ,
Икиси ики чифт мунълу козьлеринъ...

Вияна огюнде, Къазакъ ичинде
Барабар джырладыкъ Индлерде, Чинде...

Анъласын бир сени, душман да сюер,
Бир джаныкъ сёзюнъмен джюреги иер...

¹ Ачынып — аджынып.

РОДНОЙ ЯЗЫК

Тебя я в Крыму и Казани нашёл,
И сердце вскипело, как трепетный шёлк.

Когда на чужбине я с грустью бродил,
Когда за спиною надежды носил,

Когда обнимал и делился бедой,
Ты слово сказал — я пошёл за тобой...

Покуда во мне твои песни звучат
И словом Отчизны со мной говорят,

В краях полуночных, где стужа и мрак,
По улицам шумным хожу, как чужак.

Ты тюрок, татарин? Не знаю, кто ты.
Но вкус твой от Бога, в нём сладость мечты.

Татарских и тюркских теченье речей,
Меня обнимает печалью очей.

И в Вене, и в дальних казацких краях,
В Китае, на Инде поёшь на устах.

И враг, коль поймёт, то полюбит тебя,
И сердце растает, любовь обретя.

Истеймен озюньни эр якъта коръмек,
Эр ерде инджинъден дестанлар орьмек...

Къушларгъа, къашкъыргъа уйретсем сени,
Сен болсанъ оксюзнинъ конъюльден сюйгени...

Джамиге, мирапкъа, сарайгъа кирсенъ,
Денъизлер, чёллернинъ четине эрсенъ...

Сенинъмен душмангъа ярлыкълар язсам,
Къарувлы сёзюньмен конълюни къазсам...

Къабримде мелеклер соргъу сораса,
Азраиль тилимни бинъ кере тораса,

«Озь тувгъан тилимде айт магъа!» дермен,
Озь тувгъан тилимде джырлап олермен...

Конълюмни къайгъылар кемирип тургъанда,
Халкъымны тынышсыз йылдызы¹ ургъанда,

Тувгъан тиль, башкъасы акълыма кельмий,
Бир буюк сырымсынъ, душманлар бильмий...

*1 июнь 1918 с.
Будапешт*

¹ Тынышсыз йылдыз — сёнмеген йылдыз.

Хочу, чтоб звучал ты всегда без преград —
Старинных поэм жемчужный клад.

Хочу, чтоб тобою и птицы, и волк
Со мной говорили, в том ведая толк.

Хочу, чтоб входил ты в мечеть и дворец.
От края до края, с конца и в конец.

Хочу, чтоб тобою писали указ
Врагам, для которых ты — грозный приказ...

Когда же посланцы за мной прилетят
И Ангел разрежет язык мой сто крат,

Скажу: «Говори на моём языке —
Родном языке, что как сердце в руке!»

В печали и скорби, средь горя и бед,
Во тьме и когда наступает рассвет

Родной мой язык, без тебя не могу
И тайну твою не открою врагу.

Перевод С. Дружинина

АНАМ

Акърын-акърын кунъ бата, кок къарара,
Къызыл, къара булутлар отип бара.

Пенджеремден тавларны сейр этемен,
Тавлар аша юртыма етишемен.

Анда, энди билемен, коптен акъшам,
Ятсы къыла, зикр эте гъарип анам.

Седжде эте, окъуна, Къуран обе,
Къол котере, ялвара, козьаш теге:

«Бекирим», дий, «Арсланым, гонълюм, козюм!»
Къайдаларда джюресинъ, масум къозум?

Ёкъсам, къайсы бир къальпсиз ольтюрдими?
Яш омрюнъи аджы ель котюрдими?

Меним башым, къарувым, акълым, фикрим;
Эпси сенде, козьчигим, Сейд-Бекирим.

Кунъ коръмедим, онъмадым, Къадыр Мевлям!
Тек бир къазнам, инджим бар — гъарип балам.

Опип, сыйпап осьтюрдим айненимен,
Эм йылдыздан сакъындым, эм козьлерден...

МАМА

Долго-долго в небе закат пылает,
Облака плывут, красками играя.

Горы озарились багряным светом,
Край мой родимый за горами где-то.

Там на отчий дом опустился вечер,
Там моя мама молится о вечном.

Стоя на коленях, всплакнёт родная,
Все её молитвы Всевышний знает.

Говорит: «Бекир мой, маленький львёнок!
Где же ты бродишь, бедный мой ребёнок?

Может быть, сложил ты голову, милый?
Может быть, ветер воет над могилой?

Где ты, Сейт-Бекир, без тебя нет жизни,
Пусть тебя в пути сохранит Всевышний.

О, Аллах, видишь, выплаканы очи!
Всё моё богатство — это сыночек.

Мой сыночек, я тебя пеленала,
От дурного глаза оберегала...

Ана гонълю недайын назик бина,
Бек билесинъ, озъ баланъ болмаса да:

Гедже тюрлю тюш коре, урькюп тура,
Энъ сонъ азиз корюне, гонълюн ала.

Сабалары къонъшуны тез чакъыртып,
Тюшюн айта, джората фал къаратып».

Акърын-акърын кунъ бата, кок къарара,
Тюрлю ойлар гонълюмни сара, сара.

Къаранлыкъта къоркъмайман, юрткъа кете,
Анайчыгъым къучаман обе-обе.

Аягъына тюшемен «Афф эт!» диймен;
Нечюн Танъры онъгъармай! Мен бильмиймен;

Коп вакъытлар тюшюме озю келе,
Башым сыйпай козюмни обе, обе.

Сарылшамыз джылашып бахтны къаргъай,
Тюшлер, ойлар Танърысын макътай, макътай...

*1 хазиран (июнь) 1918 с.
Будапешт*

Как ты там теперь, мой любимый мальчик,
Сердце о тебе всё болит и плачет...»

Ночью сны тревожные маме снятся,
Хочет поскорей рассвета дождаться.

Утром поспешит свидеться с соседкой,
Чтобы погадала на кофе крепком...

Долго-долго в небе закат пылает,
От смятённых дум сердце замирает.

Сквозь любую тьму я пройду упрямо,
В дом родной войду и увижу маму.

Припаду к ногам, попрошу прощенья,
«Помоги, Всевышний! Пошли спасенье...»

Счастье, хоть во сне, вижу я в разлуке
Мамины глаза и лицо, и руки.

О, Аллах, спасибо за грёзы эти,
Хорошо, что мама живёт на свете...

Перевод О. Голубевой

СЕН ДЕНЪИШМЕ!..

Сен денъишме, мурадынъ учун¹ болса!
Омрюнъде эр шейинъ джуртчюн болса...

Барсын, йыллар айлансын бильгенидай,
Барсын, джолын шашырсын джылдыз, Кунъ, Ай...

Сен айланма, достчыгъым, Хакъ джолынъдан!
Догъры къара, ич урькме сагъ-солунъдан!

Халкъкъа байрам, шеньликлер болгъан экен,
Ят эллерге онъгъанлыкъ толгъан экен,

Сен унутма мукъаддес кедерлеринъ!
Джылап оськен о виран озъ джерлеринъ...

Коръдинъ эр кес денъишкен хатыр ичюн,
Сыгъынгъандай бир джыллы чадыр ичюн.

Сен унутма сюрюнмек ек болгъанын!
Хакъ джолунда джангъызнынъ бек болгъанын!..

21 июль 1918 с.
Будапешт

¹ Учун (ычын) — керчек, акъикъат.

ТЫ НЕ МЕНЯЙСЯ...

Ты не меняйся злой судьбе в угоду!
Вся жизнь твоя принадлежит народу...

Пусть годы мчатся — знай, ещё не поздно,
Пускай сойдут с пути луна и звёзды...

Иди, мой друг, пройди свой путь недаром!
Гляди вперёд и не страшись ударов!

Прекрасно жить в стране, где всё спокойно,
Но этот край чужой, ты знай и помни,

Не забывай, твой отчий край в печали!
Тебя зовут и ждут родные дали...

Пусть полон дом, богатство в нём чужое,
Не продавайся — будь самим собою.

Споткнулся — встань, и не гонись за славой!
Хоть ты один — твой путь святой и правый!..

Перевод О. Голубевой

ДУМАН

Юксек тавларнынъ тѣбеси думан,
Буюк йигитлернинъ тюрбеси думан,
Бекленмез ишлернинъ нефеси думан,
Къанлы дженклернинъ арфеси думан...

Эгиллип бакъар да, сюзюлип кирер,
Гюлер де, опер де, къолларын керер.
Эм дѣнмез ёлундан, эм де ёл берер,
Акъыллы, окъумуш джигиттир думан...

Буюк денъизлерден алыр чокърагъын,
Даим юксеклерде къурар къонагъын,
Ич кимсе билялмаз онунъ дурагъын,
Азаддыр, кейфлидир, къарувлы думан.

Тилесе — джавундыр, тилесе — бурчакъ,
Кя сувукъ, буз болур, кя атеш, сыджакъ,
Кя уфлер сѣндюрюр, кя якъар оджакъ,
Билинмез, анъланмаз баладыр думан.

Айлана тав башын, чѣллерге юрмий.
Къапаткъан козьлерин, ерлерни коръмий,
Бир рузгяр чыкъуп да, ашагъы сюрмий,
Тавларда илинюп къала дий думан.

Бети бар, козьлери корюнмий Шаркънынъ,
Дерди бар, яшлары тѣкюльмий Шаркънынъ,

ТУМАН

Верховья древних гор покрыл туман,
Надгробия джигитов скрыл туман,
Дыханье тайных дел укрыл туман,
Канун кровавых битв — седой туман.

Нагнётся, взглянет, царственно войдёт,
Обнимет всех, улыбкой скрасит рот,
Дорогу даст — с дороги не свернёт.
Начитанный мудрец, джигит — туман.

В морях великих он берёт исток,
На кручах горных, где гремит поток,
Его пристанище, его глоток.
Свободен, чист и весел, он — туман.

Захочет град, а не захочет — дождь,
Захочет — жар, а не захочет — дрожь,
Зажжёт очаг, а то подкинет нож.
Непредсказуемый, чудной малыш — туман.

Кружит в горах, не ходит по степи,
Смежит глаза, песок зажав в горсти;
В пустыню не загнать и с гор не отнести.
Цепляется за цепь вершин туман.

Не видно лика твоего, Восток.
Не видно слёз в глазах твоих, Восток.

Тили бар, сёзлери эштильмий Шаркънынъ,
Чёллери, голлери, эллери думан.

Баты рузгяры, къыбла-сырт бораны,
Эсмий, тирильмез Къытайы, Ираны.
Ешермез къум чёли, юрмез керваны.
Эссин Баты еллери, тез джавсын думан.

Думанлар ойнаса, яшынлар тувар,
Азгъана джыласа, тавларны ювар.
Ким бильсин, не гуни, къаерге явар,
Бир явса, дюньялар девирир думан...

*1918 с.
Будапешт*

Не слышно слов в устах твоих, Восток.
Твои озёра, степи — ты, туман.

Но если ветер или же буран
От юга, с севера Китай или Иран
Не оживят, не выйдет караван.
Пусть ветер западный прольёт твой дождь, туман.

Когда танцует, то родится гром.
Когда заплачет — полон водоём.
Не ведаем: куда падёт дождём.
Но хлынет дождь — мир воскресит туман.

Перевод С. Дружинина

БИНЪ ДОКЪУЗ ЮЗ ОН ДОКЪУЗ

Ава сувукъ, кок булут, джавун джава...
Пенджеремни аджы джель къагъа, джува...

Джанъы джылны беклиймен джанъгъыз къалыгъ.
Отъкен джылдан эр ишке эсап алып...

Отъкен джыл да джетмеди онъгъанлыкъкъа,
О да кетти батырып пешманлыкъкъа...

Мен бу джылнынъ ишлерин айталмайман,
Ойларыма ляйыкъ сѣз табалмайман...

Джанъы джылым джокъ меним, сѣз къыскъасы,
Бизим дюнья мунъларнынъ къарт дюньясы...

Бизнинъ джашав къайгъысы, тасасыман¹,
Джун² хыркъасы³, къотурлы асасыман⁴,

Бир узун джыл, сонъ куню сувукъ мезар...
Джанъы джыл джокъ бизлерге, бизлер Татар...

*1 январь 1919 с.
Будапешт*

¹ Таса — къайгъы.

² Джун — юн.

³ Хыркъа — дервишлернинъ кийген усть урбасы.

⁴ Аса — дервиш таягъы (рус. посох дервиша).

ТЫСЯЧА ДЕВЯТЬСОТ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ

Холодный мрак серых туч в окно глядит,
И ветер, лют и колюч, дождём стучит.

Тьма за окном, и в мой дом гость не зайдёт,
Вот так, ни с кем, в злой тоске, жду Новый год.

Уходит год, год невзгод, сплошных забот,
Куда-то вдаль, навсегда, за горизонт...

Об этом дне трудно мне найти слова,
Слова немы — наверно, мысль не нова.

К чему слова: новый год — всего игра,
Печаль стара, боль стара, беда стара...

Дырявый плащ, тихий плач, в руке клюка,
Продолжив путь, не забудь: жизнь коротка...

Могильный холм в горький час среди зимы,
А Новый год не для нас — татары мы...

Перевод О. Голубевой

КЪАРТ ДУНАЙ, КЪАРТ ДУНАЙ...

Кунь бата, къаранъгъы...
Къып-къызыл тав ягъы...
Билькильдй, джалтырай,
Къарт Дунай, къарт Дунай!..

Кок — булут, джылдыз джокъ...
Уй сыджакъ, къальп сувукъ...
Джокъ достлар, джокъ джанай...
Къарт Дунай, къарт Дунай!..

Сырымны бильдирме,
Джавларны кульдирме,
Татарман — Дженгиздай!
Къарт Дунай, къарт Дунай!..

Ай келе узакътан,
Къырымдан, Къыпчакътан,
Бугунь шай не джылай
Къарт Дунай, къарт Дунай?..

Ташы бол, ичи кенъ
Мезарым къайда экен,
Азгъана джатсам ай,
Къарт Дунай, къарт Дунай...

СТАРЫЙ ДУНАЙ

Пламенеет закат,
Горы словно горят,
Звёзд мерцающий край,
Старый добрый Дунай!

Неба мрак, туч полёт,
Мысли жар, сердца лёд.
О друзьях не вздыхай,
Старый добрый Дунай.

Я — дитя, чингизид,
Враг меня не простит.
Тайны не раскрывай,
Старый добрый Дунай.

Крыма светит луна,
Что сюда приплыла,
Громко не причитай,
Старый добрый Дунай.

Так могила узка,
А снаружи река.
Где забвения край,
Старый добрый Дунай?

Гемилер кьозгъала,
Бурула, джол ала,
Къырымгъа тек бармай,
Къарт Дунай, къарт Дунай?..

Къырымгъа огърама,
Ал-хатыр сорама —
Къурурсынъ, чыдамай...
Къарт Дунай, къарт Дунай...

Сакъын сен джылама,
Бизлерни ойлама,
Умют — дерен, къайгъы — сай...
Къарт Дунай, къарт Дунай...

*12 январь 1919 с.
Будапешт*

Прочь плывут корабли
От родимой земли.
Почему? Отвечай,
Старый добрый Дунай.

К дому ты не иди
И ответа не жди.
Весь сойдёшь, так и знай,
Старый добрый Дунай.

Но не плачь, не грусти.
Мы пока что в пути,
Где надежда — печаль,
Старый добрый Дунай.

Перевод С. Дружинина

БИР ИЗИН БЕРИНЪИЗ!..

Бир изин беринъиз, джуртума къайтайым,
Джуртума къайтайым, дердимни айтайым!..

Батыдан келийим, къанатым ачып,
Сувугъан джюрекке атешлер сачып!..

Не мырза союмда, айтувлы бир бай,
Бабайым бир чобан, анам Зайдабай!..

Бир изин беринъиз, бакъырып кирийим,
Къырымда, Кашгъарда окюрип джюрийим!..

Бир боран ясайым тынч Татар чёлюнде,
Молланынъ, къаранынъ къайгъысыз конълюнде...

Бир изин истиймен туйдырмай барайым,
Сарайлар ичинде азгъана къарайым...

Бетлери къырмызы, моюны къалын —
Байларгъа айтайым, не сакълай ярын.

Олюмнинъ тюсиндай болур тюслери...
Бюрюшир, мугъайыр о майлы юзьлери...

Бир изин беринъиз, о кози джашлы,
Джюреги сувугъан, бичимсиз¹ башлы —

¹ Бичимсиз — шекильсиз.

РАЗРЕШИТЕ ЛИШЬ РАЗ...

Разрешите лишь раз мне вернуться домой!
Я к родному порогу тянусь всей душой!

С ветром западным рвусь на широких крылах,
Но остывшее сердце блуждает впотьмах...

Пусть не знатен мой род — баев в нём не сыскать,
Был отец чабаном, и бедна моя мать...

Разрешите лишь раз, я ворвусь хоть на миг,
Слышат Крым и Кашгар моего сердца крик...

По татарской степи пронесусь, как буран,
И услышит мулла, и услышит чабан...

Разрешите лишь раз — незаметно готов
Заглянуть хоть на час внутрь огромных дворцов...

Властилинам богатств, всем довольным вполне,
Я хочу рассказать об их завтрашнем дне...

Пусть их красные лица бледнеют, как смерть...
Отдавать не привыкли — привыкли иметь...

Разрешите лишь раз мне заплакать навзрыд,
Если стонет душа, если сердце болит,

Койлюге айтайым озюнинъ тилинден,
Къопарып берийим бильгининъ гулюнден!..

Нурланыр шиндиги къарувсыз кози,
Бир арслан кесилир, ярлыкътыр сёзи!..

Бир изин тилиймен, бакъырып кирийим,
Къырымда, Кашгъарда «Джуртум!» деп джюрийим!..

*1 февраль 1919 с.
Будапешта*

С бедняком на его языке говорить
И познания цветок лишь ему подарить...

Засияют глаза всё сильнее и сильнее,
Сила слов велика — сила льва скрыта в ней...

Разрешите лишь раз мне вернуться домой,
Слышат Крым и Кашгар — весь народ! — голос мой...

Перевод О. Голубевой

КЪАРАНГЪЫ, СУВУКЪ...

Къарангъы, сувукъ...
Атеш джокъ, нур джокъ...
Мезарлар джувукъ¹, мезарлар джувукъ...

Булутлар кете,
Тавларгъа джете,
Бир сессиз кече, бир сессиз кече...

Тыгъыра къорай,
Шувулдай, джырлай,
Хатырым сорай, хатырым сорай...

Къырчыкълар, тавлар,
Устюнде буз, къар,
Астында мезар, астында мезар...

Болса бир джылдыз,
Сюйгюли бир къыз,
Фатиме, Сюдюс; Фатиме, Сюдюс...

Боламан бала,
Къайгъылы ана
Тёшегим сала, тёшегим сала...

Ушиймен, анай
Устюмни джапмай,
Мен оксюз малай, мен оксюз малай...

25 декабрь 1919 с.
Будапешт

¹ Джувукъ — якъын.

ХОЛОДНО, ТЕМНО...

Холодно, темно...
Всюду тьма давно...
Здесь могилы дно, здесь могилы дно...

Облака плывут,
Их вершины ждут.
Ночь безмолвна тут, ночь безмолвна тут...

Сон-трава летит
И во сне твердит:
«Как живёшь, джигит? Как живёшь, джигит?».

Горы и луга,
А на них снега,
А под ними мгла, а под ними мгла...

Свет небесных бус,
Я ещё вернусь.
Фатиме, Сюдюс; Фатиме, Сюдюс...

Я дитя досель,
Моя мать в метель
Стелет мне постель, стелет мне постель...

Но я мёрзну в ней,
Обними скорей,
Сироту согрей, сироту согрей...

Перевод С. Дружинина

КЪАЙТАРМА

Душманда джашав, коп джашав тилек,
Магъа бир яхшы, чалт олюм керек.
Дженъерми мени сонъ топ, пычакъ, къама...¹
Согъушлар² магъа бир татлы къайтарма...

Бир нидже джыллардыр тозлы джолларда,
Айдайман олюмни кыырларда, джарда.
Олюм озъ къадем, эм ана, баба...
Бель-бельге куреше, ойнай къайтарма...

Конълюмни тюркюлер бек яхшы джандырмай,
Шу дюнья завкълары аслы да къандырмай,
Чал олюм, опъ олюм, ойна, токътама...
Магъа сен керексинъ, бир де къайтарма...

Алтындай сачларынъ бетимни сыйпай,
Козълеринъ козюмде боранлар ясай...
Сюемен сачларынъ, олюмге тарта,
Мезаргъа якъынмыз, чал бир къайтарма...

Джиберме къолумны, ич айрылмайыкъ,
Яшавнынъ мойнуна ич сарылмайыкъ...
Сарылшып тюшемиз муна мезаргъа,
Уйренсин шу джашлар яхшы къайтарма...

¹ Къама — силых оларакъ къулланылгъан уджу сиври эки кенары да кескин узун пычакъ (рус. кинжал).

² Согъуш — дженк, саваш, куреш, къавгъа.

ХАЙТАРМА¹

У врага бесконечно желание жить,
Мне же смерть не страшна, лишь бы смерть не длить.
А потом будет бой: знамён бахрома,
Пушки, нож и кинжал — как мёд хайтарма.

Много лет, много зим мешаю я твердь,
По горам и лесам гоняю я смерть.
Смерть мне брат и сестра, отец мне и мать...
За кушак, за рукав держись, хайтарма...

Песни душу мою ночами не жгут,
Наслаждений мирских расслабился жгут.
Сладость ласк, их порыв, твоих глаз сюрма...
Мне нужна только ты, нужна хайтарма...

Кос твоих водопад ласкает мне лик,
И рождает буран твоих глаз тайник.
Косы тянут нас в смерть, где могилы тьма.
Веселее звучи, играй, хайтарма...

Не бросай моих рук, разлуке не быть...
И цепляться за жизнь — её не любить...
Станем телом одним, спускаясь во тьму.
Молодым не забыть мою хайтарму...

¹ Хайтарма — крымскотатарский народный танец.

Къолларда бир кесек сулупсыз давке¹,
Къайтарма дийлер секирип джюрмеге,
Бир кирсем олюммен яланджы тойларгъа,
Косьтерсем татаргъа бир учун къайтарма...

Татарман, сап-сары халкъымнынъ бети,
Сув болгъан къаны, чюрюген эти...
Бир джюрек ольмийджек ич бир заманда,
Яшавы бутунъ де бир гузель къайтарма...

Сюемен пунарлы, хаста козьлерни,
Сюемен манасыз, керчек сёзлерни.
Олюмге ошай, олюмни анъдыра
Кичкене къалибни дагъыткъан къайтарма...

Махшерде сиз мени ич къалдырманъыз!
Къатымда «сур»ларны ич чалдырманъыз!
Олюмни табарман, азгъана турсам да,
Магъа олюм керек, бир де къайтарма...

*28 февраль 1919 с.
Будапешт*

¹ Давке — къарт къыз.

Пусть толпа старых дев, собравшись в кружок,
Хайтармою зовёт неловкий прыжок.
Мы со смертью придём на пир-кутерьму
Показать настоящую хайтарму...

Мой народ с поникшим и жёлтым лицом,
Кровь его, как вода, а мясо с гнильцой.
Лишь бы сердце в груди стучало всегда,
Не умрёт никогда его хайтарма.

Я люблю их глаза, люблю их туман,
Я люблю их слова — не мысль, не обман.
Ты, как смерть, что порой нас сводит с ума.
Душу — крошку свою несёшь, хайтарма.

Не бросай меня в судный день и час,
Чтоб не слышать мне труб последний приказ.
Я привстану чуть-чуть, мне смерть — не сума.
Мне нужна только смерть — моя хайтарма.

Перевод С. Дружинина

КЕЛЕДЖЕК

Балалыкъя, келинчикли кыярларда,
Джатар эдим, кълчыкъларым джаяр да,
Къллагъымны джерге салып тынънасам,
Анънар эдим: атлы джюре отарда...

Базы, темиз чокъракъларнынъ акъышын
Туяр эдим, базы чечек оськенин,
Ава дургъун болса, я ки, чъллерде
Джер алтында башкъа бир джелъ эскенин...

Культеленген юксек отлар ичинде,
Табар эдим башкъа дюнъя, башкъа сес...
Магъа эрте келир эди гизлидже
Койге даим кечче джеткен Хыдырлез...

Бугунъ узакъ о тувгъаным кыярчыкълар,
Къач джылардыр Будин кыыры дурагъым...
Мен кыырылгъан, бир соладжакъ чечекмен...
Кълрумасын тек мен биткен будагъым.

Будин кыырын тълбесине чыгъаман,
Озь коюмнинъ минареси сезильмий...
Джат эллернинъ топрагъыны тынълайман,
Тувгъанларнынъ аякъ сеси эштильмий...

Бир Дунай бар, таныш бираз козьлери:
«Бабайлардан бир кълчыны коръдим», — дий...

БУДУЩЕЕ

Давным-давно среди холмов и кошар
Я пил покой, густой настой, трав отвар,
И в тишине, припав к земле, я слышал,
Как будто всадник проскакал средь отар.

Я наблюдал, как по весне цвел родник,
И наслаждался, глядя в этот цветник,
Когда же замолкало вдруг всё вокруг,
Я слышал — в глубине земли пел тайник...

Среди травы, среди цветов, как пчела,
Я открывал вокруг себя мир иной,
И первым Хыдырлез на краю села
Я с радостью встречал весенней порой.

Как далека ты от меня, степь моя:
Мои поля, мои цветы, мой приют,
Мои ручьи, мои стада и земля,
Где я отцвёл и где другие цветут.

В другую степь с других высот я гляжу,
Но минарета нашего не видать.
В чужих краях чужих шагов слышу шум,
Но мне родных моих шагов не слышать...

Один Дунай, чей взгляд знаком, полон дум
И шепчет: «Стариков твоих мне ль не знать».

Огъа барып бираз сувун къарасам,
Конълум джува, бола къайгъум иргендий...

Асретлерим, къоркъуларым коммекчюн,
Къумлугъында тюрю коллер къазаман;
Ялысында бир тешелип отурсам,
Айта Дунай отъкенлерден, язаман...

Эшитемен «Келеджек»нинъ сеслерин,
Къардашларым атлы бир халкъ джувукълай...
Айгъырлары «Келеджек»тен кишнийлер...
Джигитлери даа тувмай, уюкълай...

Эшитемен аян, беян джырларын,
Айталмайман адларыны сизлерге,
Саба, акъшам даа якъын келелер,
Бир кунъ шексиз корюнирлер козьлерге...

Эшитемен «Келеджек»нинъ сеслерин,
Ёсма, назлы, без татар къызлары
Кулюшелер къалын дюльбент артындан,
Кулюшелер, тез джойтула ызлары...

Бу къызларны мен таныйман бек яхшы,
Кобисининъ къумрал сачын опыкемен...
Кобисимен ашкъ дердине тутулып,
Индже белин сарып къоран тепкемен...

Бир кунъ чыгъар бу джигитлер мейдангъа,
Бу къызларман къол къол тутып, эш болып,

Когда к нему, любуясь им, я иду,
Моя душа полна любви, ей под стать.

Свою тоску и прежний страх чтоб прогнать,
Я в мыслях возвращаюсь вновь в эту даль
И медленно пишу стихи, вдруг поняв,
Что думает в дремотном сне мой Дунай.

Из будущего голосов слышу хор:
Моих коней, что ржут у костров,
Моих джигитов, что проснулись с тех пор,
Моих собратьев, что не спали давно.

Едва слышны издалика песни их,
Жаль, что названия я все позабыл:
Стою и слушаю напевы других
В надежде вновь увидеть их прежний пыл.

Из будущего голосов слышу хор:
Татарских девушек, чей смех, словно мёд,
Доносится издалика сквозь узор
И быстро тает вдалеке, словно лёд.

Мне кажется, что я давно знаю тех,
Чьи локоны я целовал столько раз,
Их гибкий стан, изгиб бровей, нежный смех,
Со многими из них пускался в пляс.

Мои джигиты снова будут вольны
И с ними девушки, джигитам под стать.

Буны корьген къартчыкъларнынъ къалип кози,
Кирсиз, тузсыз бир чокъракътан джаш толып...

О вакъытта джигитлерге айтынъыз!
Мезарымны долансынлар атларман...
О къызларны мен бекледим, мен суюдим,
Долансынлар, бельки бираз турарман...

*7 февраль 1920 с.
Будапешт*

И у отцов, как будто после войны,
Глаза от влаги будут тихо сиять.

Тогда скажите вы джигитам моим:
Пускай они придут ко мне на погост
И девушек с собой возьмут днём одним,
И я проснусь тогда, чтоб встать во весь рост.

Перевод С. Дружинина

КЕЧМИШТЕКИ СУЧЛАРЫМЫЗ

Бири ачкъан китабыны «Лянет!» — дий...
Элягюге¹, Баты хангъа, Темирге,
Бири язгъан тарихыны «Барбар!» — дий...
Бир вакъытлар бойнун буккен эмирге...

«Татар халкъы, Татар ханы!» — фысылдай,
Кяфир, мумин бутюн дюнья тиллери,
«Татар ханы джуртумызны джакъты шай,
Менгюликке атеш болсун эр джери!..»

Факъыр татар аттан тюшкен, шашыргъан,
Бетин орьте, сесин кыса, гизлене...
«Дженгиз, Темир, Батыны мен бильмиймен
Мен оларны ич корьмедим...» — сеслене...

Душманлары: «Сенсинъ!» — дийлер, кыйнайлар. —
«Муна ресминъ тарихлерде корюне.
Сенсинъ Дженгиз аркъасындан джувургъан,
Бетинъ сары, пантик мурнынъ кичкене!»

«Мен тюгюльмен!» — дий факъыр, ай зарлана. —
«Дженгиз, Баты джынсымда ич болмады!
Бабам, анам бир шерифе, бир сейид,
Якъынларым я бир молла, я къады...»

Ташланъыз о факъыр халкъны, сучу джокъ,
Сучу болса, джашавында одийджек,
Менмен Дженгиз, Темир ханнынъ торуны,
Менмен онынъ джолун даим кутийджек...

¹ Элягю — Джынгъызханнынъ торуны.

НАШИ ПРОШЛЫЕ ПРОВИННОСТИ

Не раз свою книгу проклятий открыв,
Читая: «Батый, Хулягу, Тамерлан»,
Эмира зовёт дикарем, позабыв,
Что прежде пред ним на коленях стоял.

«Татары! Татары, ваш хан в старину, —
Кричит нам неверный и всякий язык. —
С мечом приходил и нам выжег страну.
Горите и вы!», — поднимается крик.

А бедный татарин давно слез с коня,
Растерянно шепчет, потупивши взор:
«С Чингизом, Батыем, Тимуром ни я,
Никто из родных не встречался с тех пор!».

Враги говорят ему: «Нет, это — ты!
Из прошлого твой выступает портрет:
Скуласт, низкорослый и жёлт, как цветы,
Идущий в набег за Чингизом вослед».

Кричит бедолага: «Нет, это — не я.
Чингиза в моём не бывало роду.
Сеид — мой отец, вот и мама моя,
Муллу еще помню, но не Бату...».

Оставьте в покое мой бедный народ!
Коль есть в нём вина, он заплатит за всё.
Чингиз — это я, Тимуриды мой род!
Что было и будет — всё это мое.

Юкленемен бар сучларын оларнынъ,
Бизлер джакътыкъ Багъдадынъны, Басранъны,
Бизлер джыкътыкъ сарайларын Романынъ,
Бизлер сойдыкъ акъ сюегинъ, къаранъны!..

Кель, бир сор! Берийим эп эсабын,
Далмачьянынъ¹, Маджарлыкънынъ, Къазакънынъ,
Индиянынъ, Акъ денъизнинъ, Азакънынъ,
Кель, бир сор! Барбарлыкънынъ эсабын!..

Къылычим джокъ, атларым джокъ, джаявман...
Джюрегимде джангъан атеш дурулды...
Мойнум бахтнынъ къолларында бурулды,
Бугунъ олюм джолларында бир савман!..

Эй, Явропа, эй, улема, билинъиз!
Китапларынъ ялан айтса даим шай,
Даим къурсанъ козяшынъдан кок сарай...
Силькинирмен, болурман тез бир Дженгиз!..

Китапларынъ Диджлелерге² атарман!
Сарайларынъ ермен эксан эткен сонъ,
Баланъ, чагъанъ откъа къурбан кеткен сонъ,
Кене кетер, мезарсыз шай джатарман!

Эзилийим, юкленийим сучларын!
Буюк ханнынъ, буюк халкънынъ мирасын,
Юкленийим бабаларым гунасын,
Шай джюрийим шу дюньянынъ уджларын!..

13 февраль 1920 с.

Будапешт

¹ Далмачья — Романиянынъ бир больгеси.

² Диджле — Тигр нехирнинъ ады (рус. река Тигр).

Весь грех, всю вину я грузу на себя:
Сжигали мы Басру, сжигали Багдад.
И Рима дворцы ещё помнят меня,
И римская знать, и латинский солдат!

Приди и спроси! Я отвечу за всех,
Кто жил на Дунае, в краях казаков,
На Инде, Азове... Я помню свой грех.
Приди и спроси! Я ответить готов.

Без сабли, коня я ступаю на твердь,
И древний огонь затухает в груди.
Хребет мой в руках у удачи... Иди.
Со мной по дороге, что тянется в смерть.

Старушка-Европа и вы — мудрецы,
Пока вы в писаниях будете лгать
И строить из слёз голубые дворцы,
Восстану и встану в Чингизову рать!

Я выброшу книги в глубокий Диджли,
И ваши дворцы я сравняю с землёй,
И лягу в неё вдалеке от могил,
И буду лежать молчаливой золой.

Весь гнев, всю вину я взвалю, как доспех,
Наследье народа, всех ханов и ханств,
Взвалю на себя весь отеческий грех
И буду бродить среди ваших пространств.

Перевод С. Дружинника

ЧОЮН ДЖОЛ ИШЧИЛЕРИ

Саба эрте
«Данъ! Данъ!» эте...
Уянаман, къарайман,
Ишчилерден сорайман:

— Не туюсиз, аркъадашлар, бурада?..
Бу демирден не тилийсиз арада?
— Джол ясаймыз, бей-эфенди, демир джол,
Кечсин, диймиз, джолчы раат, конъли бол!..

* * *

Аякълары яры чыплакъ сувукъта,
Устьлеринде яры джыртыкъ бир урба...

Нефеслери тютюн бола чын кокте...
Чёкюч сесин эшитедир мелек де...

Ана-бала, ашыкъ-машукъ джолчы халкъ,
Кечип кете, къавушалар эр бир чакъ!..

Бу джолларгъа кунеш ура, парылдай,
Бу джоллардан бильги джюре, нур къатнай...

* * *

Тек мен къалдым джолсыз, асрет ичинде...
Мен Будинде, къардашларым Мачинде...

К СТРОИТЕЛЯМ ЧУГУНКИ

Упрямый звук:

«Дан-н-н... дон-н-н... дин-н-н... дук!...»

Я кричу в окно кому-то:

— Кто стучит там ранним утром?!

Что, товарищи, скажите,

От железа вы хотите?

— Мы, — в ответ, — чугунку строим,

Чтобы путник был в дороге и доволен, и спокоен.

* * *

Ноги босы, плечи голы,

Стылым паром дышит холод.

Звуки градом бьют по крышам,

Даже ангелы их слышат.

Мимо катятся вагоны, день и ночь

Кто домой, а кто из дома едет прочь.

А по рельсам, словно проблеск среди туч,

Лучик солнца догоняет знаний луч.

* * *

Я один, я на распутье в неродной стране,

И друзья меня дождутся ль в милой стороне...

Дуйгъуларым оларгъаджек баралмай,
Ярем узакъ, мойынчыгъым саралмай...

* * *

Буюк ишчи къардашларым, аджынъыз!
Джуртума да мундай джоллар ачынъыз!

Мен де сиздай бир нерсесиз ишчимен...
«Келеджек»ке аман бир джол ишлиймен...

Сырларым бар, айтаджагъым яриме,
Ясанъыз джол меним тувгъан джериме!

Дуйгъуларым Кашгъарларгъа сачайым,
Дертлериме эр къалибни ачайым!

Тюй, къардашым, серт демирни, эклий бер!
Яса джолум! Мени джуртта беклийлер.

*13 февраль 1920 с.
Будапешт*

Мои мысли, мои боли не достигнут их,
И любимая далеко, не услышит стих.

* * *

Брат рабочий, ты ведь знаешь, чья земля милей,
Потому и обращаюсь к щедрости твоей.

Я — как все вы, я с работой, как и вы, дружу,
Строю путь к мечте высокой, ей одной служу.

Чтоб сказать я мог любимой о любви своей,
Нужен мне твой путь железный к родине моей.

Чтоб донес я свои думы в милый отчий край,
Мой волшебный, изумрудный, стосердечный рай.

Ты трудись, но о железо руки не сожги,
Мне на родину вернуться, брат мой, помоги.

Перевод П. Макухи

КЪЫЗЫЛ ШАРАП, ЭСКИ ШАРАП ИЧИЙИМ

Бир акъшам бер магъа, дегеним кибик,
Къызыл шарап, эски шарап ичийим...
Къызыл, хаста дудакъларны опийим...
Эсирийим, бар дюньядан кечийим...
Къызыл шарап, эски шарап ичийим...

Чалынсын джюрегимни джакъкъан джырлар,
Индже белин сарып къоран тепийим...
Къызыл, хаста дудакъларын опийим...
Джылтырагъан лампачыгъым бир жангъын болсын...
Къызыл шарап, эски шарап ичийим...

Кетир магъа къарт Темирнинъ къадесин,
Бир акъшамчюн дюнья джакъмакъ керекми?
Джылтырагъан лампачыгъым джыкъылсын,
Атеш алсын джаш джюрегим чевресин,
Къызыл шарап, эски шарап ичийим...

Дженаземни саба болса джыйсынлар,
Кунеш тувсун, кене базар башласын,
Ич кельмесин пек дарылса къарт имам,
Сонъ джолымда мени жангъызы ташласын...
Къызыл шарап, эски шарап ичийим...

Яманларлар бир вакъыткеч достларым,
Кечер заман, енъи олюмлер унуттырыр,
Дженаземни, даим чёккен къабримни.
Бир гуль битер, кене башлар баарим...
Къызыл шарап, эски шарап ичийим...

7 март 1920 с.

Буданешт

ВЫПЬЮ КРАСНОГО СТАРОГО ВИНА

Этот вечер я осушу до дна,
Выпью красного старого вина.
Лаской губ твоих я напьюсь сполна...
Пусть качается в небесах луна...
Выпью красного старого вина...

Ты мне песню спой, чтобы душу жгла,
Обниму твой стан, в танце ты нежна...
Лаской губ твоих я напьюсь сполна...
Пусть горит свеча, чтоб печаль ушла
Выпью красного старого вина...

Знаю, слава Тимура тяжела,
В этот вечер пусть мир сгорит дотла?
Я пылаю огнём, в душе зола,
Не жалею ни о чём, душа больна,
Выпью красного старого вина...

Утром солнце взойдёт, в сиянье дня
Налегке в мир иной отправлюсь я,
Не придёт мулла проводить меня,
Я в последний раз нынче допьяна
Выпью красного старого вина...

Позабудут друзья мои черты,
Над могилою не заплачешь ты,
Но жива надежда в душе одна –
Прорасту цветами, придёт весна...
Выпью красного старого вина...

Перевод С. Голубевой

ЯХШЫ ОЛЮМ!

Айгиди, тавлар, чаларгъан тавлар!
Ешерген, сияргъан, сараргъан тавлар!

Бир ирмакъ болсам да, сынджырсам кольге,
Я бир голь болуп да, серильсем чёльге...

Къарт бир чум¹ болайым гирдаблар устюнде,
Чевирсин кевдемни къарувлы селлер;

Къопарсын тамырдан бир къоркъунч боран,
Далгъадан далгъагъа шыпырсын джеллер.

Я джашын сокъсун² да, сияртсын конъялум,
Ай демий сёнийим, тутулсын тилим.

Мен бильмий тувдым, билип олемен,
Тувгъанда джыладым, ольгенде кулемен.

Эр акъшам, саба будур баш дуам:
«Танърым, бер магъа бир олюм яхшы!

Дженазем огюнде джыйылсын коюм,
Эгильсин душманнынъ эгильмез башы,
Эгильсин душманнынъ эгильмез башы!..»

*5 апрель 1920 с.
Лозан*

¹ Чум — къызылчыкъ.

² Джашын сокъсун — яшын урсын.

ХОРОШАЯ СМЕРТЬ

Что может быть в мире прекраснее гор!
Зелёных и жёлтых, сияющих гор!

Спуститься бы с них ручейком по степи,
Водичы бы чистой озёрной испить.

Стать старым кизилом на склоне крутом,
Пусть тело моё не жалеет никто.

Пусть ветер шальной и суровый буран
Ломают и рвут, не щадя моих ран.

Пусть жгучая молния будет сверкать,
Сгореть не боюсь я, мне не привыкать.

Не зная, родился — познавши, умру,
Без жалобных слёз на весёлом ветру...

В вечерней тиши я молюсь, что есть сил:
О смерти хорошей в родной стороне!

Пусть все, кто любимы, скорбят обо мне,
Чтоб враг свою голову молча склонил,
Чтоб враг свою голову молча склонил!..

Перевод О. Голубевой

БИР САРАЙ КЪУРАДЖАКЪМАН!..

Бир сарай къураджакъман!.. Хан болмасын ичинде,
Къул, ыргъат, ачлыкъ, хорлукъ, къан болмасын ичинде...

Ташыны ят эллерден кетиртмем ич,
Джетишир озъ джуртумда чыкъкъан керпич...

Бек юксек болмаса да кок тѣбеси,
Темелли болсун, айдынлыкъ эр кошеси...

Пенджереси кениш болсун, кирсин ышыкъ,
Джарлыгъа эр къапусы болсун ачыкъ...

Кесмесин къыбла джелин ич бир уйнинъ,
Болмасын къаралтысы феян бийнинъ...

Бир сарай къураджакъман, хан болмасын ичинде,
Къул, ыргъат, ачлыкъ, хорлукъ, къан болмасын ичинде...

Джыяйым алт-устъ этип джаткъан джерин,
О эски зор джигитлер кемиклерин...

Буларман балчыкъны ёгъурайым,
Эр къабирге: «Кемик!» — деп багъырайым...

Я ДВОРЕЦ ВОЗДВИГНУ!..

Я дворец воздвигну вам! Ханам в том дворце не быть...
Ни рабам, ни батракам, крови, голоду не быть...

Камнерезам дальних стран я не брошу клич,
В основание положу Родины кирпич...

Пусть не будет высока башня во дворце,
Лишь бы прочен был фундамент, купола в свинце...

Пусть в оконные проёмы проникает свет,
Беднякам в его воротах пусть не скажут: «нет»...

Южный ветер во дворце пусть ласкает сень,
Богача в его сенях не возникнет тень...

Я дворец воздвигну вам! Ханам в том дворце не быть...
Ни рабам, ни батракам, крови, голоду не быть...

Землю всю перекопав, кости соберу
Старых праведных джигитов поутру...

В глину праведного праха брошу горсть,
Каждому в его могилу крикну: «Кость!»...

Шай этип изгюлешсин дёрт дивары,
Чешмеси, чечеклери, кенъ азбары...

Таптама изгю¹ джерни энди ишсиз,
Сал сарай, къур девлетинъ — болсун эшсиз...

Бир сарай къураджакъман, таш болмасын ичинде,
Эп кемик, эп джан болсун, джаш солмасын ичинде,
Ач болмасын ичинде...

22 майыс 1920 с.

Лозан

¹ Изгю — мукъкъадес.

Пусть прекрасны будут стены, роз ковёр,
Воды, бьющие в фонтанах, чистый двор...

Не топчи святую землю, возведи дворец,
Государство, о котором грезил мой отец...

Я дворец воздвигну вам! Камню в том дворце не быть...
Кости быть, и душам быть, смерти молодых не быть...
Голодающим не быть...

Перевод С. Дружинина

БУЛУТЛАР, БУЛУТЛАР!

Булутлар, булутлар!..
Кетиджи булутлар,
Чонгъаргъа, Къытайгъа
Етиджи булутлар!..

Алынъыз мени де, гонъюлюм ачылсын,
Козюмден яшларым юртыма сачылсын!..

Булутлар, булутлар!
Бурчакълы булутлар!..
Ал, ешилъ, сарылы,
Къушакълы булутлар!

Алынъыз, кетийик бек узакъ ерлерге,
Салгъырда кетенин агъарткъан дюльберге!..

Булутлар, булутлар!..
Ольмек истиймен,
Ольген сонъ коклерде
Кульмек истиймен!..

Алынъыз, кетийик дерьялар четине,
Къарайыкъ якъындан Чолпаннынъ бетине!

Булутлар, булутлар!..
Къамышлыкъ голлерде,
Йылдызлар титреген
О уджсуз чёллерде.

ОБЛАКА, ОБЛАКА!

Облака, облака!..
Всё идут облака,
Далеко за Чонгар
Их дорога легка...

Вы меня, облака, унесите с собой,
Чтоб на землю мою я пролился слезой!..

Облака, облака!
Дождевая река!..
Разноцветный кушак
Вам подвяжет бока...

Вы умчите меня на Салгир поглядеть,
Где красавицы лён моют в чистой воде...

Облака, облака!..
Умереть я готов,
Чтобы плыть в небесах
Посреди облаков...

Облака, с вами плыть на просторы морей,
Своё сердце открыть предрассветной заре!

Облака, облака!..
Где озёрная гладь,
Над степной тишиной
Будут звёзды мерцать,

Мени де алынъыз, гурюльдеп явгъанда,
Тавларгъа сыйпанып дерьягъа авгъанда!..

Булутлар, булутлар!
Къаерден келесиз?..
Коюмден, анамдан
Не хабер билесиз?..

Айтынъыз, барабар туйдурмай джылайыкъ!..
Ёлларгъа тюшийик, сарарып солайыкъ!..

Булутлар, булутлар!
Яйлагъа кетинъиз!..
Эсмамны корьсенъиз,
Селямлар этинъиз!..

Йыйкъанъыз анамнынъ яшлы козьлерин!
Къолларын опинъиз, унутсун кедерин!..

*Язылгъан ери
ве тарихи белли дегиль*

Мы взлетим, облака, там, где ливни и град!..
С гор потоки бегут напролом, наугад!..

Облака, облака!
Я хотел бы узнать
О родной стороне,
Где живёт моя мать...

Расскажите о ней, чтобы тихо вздохнуть,
Утирая слезу, продолжая свой путь...

Облака, облака!
Полетите к яйле!..
Вы привет мой Эсме
Передайте в селе!..

Заберите с собой милой мамы печаль!
Вся тревожная боль пусть уйдёт с вами вдаль!..

Перевод О. Голубевой

КЪАРТ ЧЕРКЕС

Бир уджуз джашав дердинде эр кес,
Уджуз бир джашав дердинде эр ким,
Тюрбелер чёке, мезарлар омрай!¹...
Не топракъ астында бир эр кевдеси...
Не топракъ устюнде бир джигит сеси...

Ингилиз чубугъын савура кокке,
Ингилиз байрагъы саллана юксек,
Медресе, джамининъ къапусы къырыкъ...
Тюрбелер таш болгъан, эвлия — суюк,
Тюрбелер таш болгъан, эвлия — суюк...

«Манънайгъа язылгъан башкъа да келир», —
Эсирлер тюркюси мырылдай эр кес,
Тек бир къарт къолунда бар эски къувет,
Джетмишлик, Шамильдий къараман Черкес.
Джетмишлик, Шамильдий къараман Черкес...

Бир къафир баласы, къоркъута эпсин,
Черкесте лякин бар эски бир иман,
Джетмишлик ихтияр акъ сёзни кутий:
Он къафир дженъер бир джигит муслюман,
Он къафир дженъер бир джигит муслюман...

Къарт Черкес ольди. Шамильдже олюм...
Мевтасы толтырыр эренлер мезарын.

¹ Омрамакъ — эскирип, йыкъылмакъ, бозулмакъ, чёкмек.

СТАРЫЙ ЧЕРКЕС

Все сегодня за крохами жизни бегут,
За дешёвою жизнью набегался всяк.
Что могила — руина, дюрбе — все в земле.
Не видать под землёй настоящий костяк.
Не слышать слов джигита, слова все — пустяк.

И неверные небо копят чубуком,
И знамёна гяуров мне видеть пришлось.
Медресе и мечети стоят без дверей...
Мавзолеи — на камень, святые — на кость,
Мавзолеи — на камень, святые — на кость...

Не минует нас то, что у нас на роду.
Лишь в руках старика не убавилось сил.
Песню пленников кто-то мурлычет под нос.
Семь десятков черкесу, ну, чем не Шамиль!
Семь десятков черкесу, ну, чем не Шамиль!

Сын неверного также пугает всех нас,
Но черкес мой со старою верой твердит,
Тот старик, что лишь истине служит весь час,
Что десятка неверных достоин джигит,
Что десятка неверных достоин джигит...

Умер старый черкес. Умер так, как Шамиль,
И в могиле святых удивляется нам.

Акъ сачын устюне тамлагъан къанлар
Ислямгъа чыза бир умютли ярын,
Ислямгъа чыза бир умютли ярын...

Бекир, сен Черкесни анълагъан болсанъ,
Хатунлар ишидир — такъмакъны ташла;
Сен Гирай къулысынъ, башынъны ал да,
Шамильдже бир олюм излерге башла...
Сен де шай бир олюм излерге башла...

*Язылгъан ери
ве тарихи белли дегиль*

На его седине не тюльпаны, а кровь,
И надежду на завтра дарует ислам,
И надежду на завтра дарует ислам...

Если ты его понял, мой бедный Бекир,
Перестать причитать, брось вздыхать и краснеть.
Выше голову, ты же Гираев слуга.
Смерть ищи, чтоб была, как Шамилева смерть...
Смерть ищи, чтоб была в точь такая же смерть...

Перевод С. Дружинина

ЯНЫКЪ КЪАВАЛ

Бир ирмакъ болуп да, сынджырсам кольге,
Я бир коль болсам да, серильсем чёльге!..

Бир джюке болайым къаялар ичинде,
Чевирсин кевдемни къарувлы селлер,

Къаядан къаягъа шыпырсын еллер,
Йылдырым ишлесин яш фидан экенде...

Кичкене саваплар, кичкене эмгеклер,
Кичкене гунахлар язмасын мелеклер!..

Ольмектен къоркъаман гъафиллер¹ кибик,
Олийим тавларда аслымда кийик!..

Бир олю болайым мезарсыз, ташсыз,
Къадимсиз, зикирсиз, яланджы козьашсыз!..

Тиймесин тениме титреген эллер!..
«Ольди!» демесин тувмай ольгенлер!..

«Кирли!» деп ювманъыз, ольгенлер темиздир,
Ольгенлер къайгъысыз, къоркъусыз, тегиздир.

Ешиллик ерлерде, сельбилер тюбюнде,
Комюльсин бир даа яшамакъ тилеген!

Дженнетке кирмекчюн саваб ишлеген,
Кимнинъ ки китабы, анахтар джебинде!..

¹ Гъафиль — этрафтаки керчеклерни корьмеген, сезмеген, далгъын (кимсе).

ПЕЧАЛЬНАЯ СВИРЕЛЬ

Стать бы малым ручьём и коснуться озёр
Или озером влиться в полынный простор!..

Стать бы липою мне у подножия скал,
Пусть снесёт меня сель или горный обвал,

Пусть ветра моё тело швырнут о гранит,
Ствол мой с юности молния пусть закалит...

И пусть ангелы мне не запишут савап¹,
Ни других мелких дел, ни грехов камнепад.

Я боюсь мелкой смерти беспечных людей,
Я хочу умереть дикой смертью камней!

Стать бы мне мертвецом средь могилы ничьей,
Без кадыма² и зикра³, и живых речей!

Пусть не тронут меня рук два липких куста!..
Да не скажут: «Он умер!» неживших уста!..

Нет и грязи на мне, чтоб меня обмывать,
Мертвецы ведь чисты, у них гордая стать...

Пусть в садах под покровом седых тополей
Похоронят того, кто желал ещё жить!

¹ Савап — милость, вознаграждение Аллаха за благие дела.

² Кадым — поминальная молитва.

³ Зикра — поминальный молебен.

Яшавдан кѡркѡмагѡан, олюмден урькмеген,
Яшавчюн тиленип тюз ѳда юрмеген,

Эр вакѡыт тырмашкѡан, терлеген эрлер,
Дженнетке кирселер, дестурсыз кирерлер!..

* * *

Бекир, сен зайыфсынѡ, кѡарувынѡ кѡайткѡан,
Ананѡ бешигинѡде тылсымлар айткѡан;

Сен бир тар кольдесинѡ, бакѡалар достынѡ,
Энѡ чапкѡан вакѡтынѡда шоларны оздынѡ!..

Юксельдинѡ коклерге, кѡамыштан юксек!..
Далгѡанынѡ сазлыкѡ, сазлыкѡ тюбюнеджек!..

Бильмиймен, баш дуванѡ макѡбул¹ болурмы?..
Такѡдирмен ольмектен башынѡ кѡутулурмы?..

Йигитлик тилегинѡ, ачувынѡ уфакѡ..
Юртунѡда кѡая ѳкѡ, сувлары кѡургѡакѡ...

Кичкене тавлардан вулканлар чыкѡмаз,
Алчачыкѡ агѡачны² йылдырым якѡмаз...

Ялынѡыз бир шейинѡ — йигитлик малынѡ:
Кѡутарса кѡутарыр яныкѡ кѡавалынѡ!..

Апрель 1922 с.

Акѡмесджит

¹ Макѡбул — келишкен, бегенильген, кѡабул этильген.

² Агѡач — терек.

У кого из живущих есть Книга судей
И ключи от бессмертья, чтоб мне одолжить?

Только те, кто бесстрашно взирают на Смерть
И по жизни идут, лёгкой жизни стыдясь,

Кто стремится вперёд, не боясь умереть,
В рай войдут, как один, никого не спросясь!

* * *

Ты, Бекир, так ослаб, вернувшись домой.
Помнишь мамину песню про мир и покой?

Ты попал в мелкий пруд, живёшь среди жаб,
Победив лишь того, кто больше ослаб.

Ты поднялся в зенит — высотой в камыш!..
Ты спустился на дно — там тина и тишь!

Как воспримет Господь молитву твою?
Умерев, будешь счастлив в другом краю?

Как надежды и ярость были чисты...
Не осталось вершин и русла пусты...

Из холмов не возникнет новый вулкан,
И разряд не ударит в низкий платан...

Если что и спасёт во тьме среди скал,
То, джигит, только твой печальный кавал¹.

Перевод С. Дружинина

¹ Кавал — свирель.

БАЛТЫКЪ ЯЛЫСЫНДА

Балтыкъ ялысында далдым хаялгъа,
Дертлештик: мен, Нева, бир эки далгъа...

Невагъа сукъландым, гемилер юрсете,
Мильёнман инсангъа ёллар корьсете...

Баты рузгярлары сыйпады юзюмни,
Фабрик думанлары опыти козимни...

Невагъа ялвардым Къырымгъа акъмагъа,
Сырт беттен тутып да, къыблагъа саркъмагъа...

— Салгъыргъа селям эт! — шай деди Нева. —
Нафиле янмасын, къурумасын бедава!..

Бинъ йыллар мен де акътым, чёплерни ташып,
Къурудан - къуругъа обалар ашып.

Балтыкъман экимиз бек коп эглештик,
Беяз геджелерде азмы дертлештик...

Кельди къавий къоллар, салдылар ишке:
— Я бизге хызмет эт, я чекиль энишке!

Шай алып тербие, этемен файда,
Болдым бир гемилер юрсеткен Нева!

НА БЕРЕГУ БАЛТИКИ

Берег Балтики — берег высокой мечты,
Тут сошлись твои волны, Нева, я и ты...

Я влюбиться готов в твои воды, река,
Ты и путь кораблям, и кismet¹ рука.

Ветер свежестью мне омывает лицо,
Над фабричной трубой пышет дыма кольцо.

Я Неву попросил добрым словом своим
Бросить север и к югу направиться, в Крым.

— Шлю Салгиру привет! — отвечала Нева, —
Пусть его не печалят отказа слова.

Я здесь тысячи лет свои воды несла,
Не запомнив ни слова, ни плеска весла.

С морем Балтики были мы просто дружны,
Ночи белые нам для забавы даны.

Но рабочие руки пришли в этот край:
Хочешь с нами? — спросили. — Судьбу выбирай!

Я смирила свой нрав и ответила: «Да!».
Так я стала Невой и собою горда.

¹ Кисмет — провидение.

Чевремде фабриклер, тезьялар толды,
Сувымдан ичкенлер мильёнлар болды.

Геминъиз болсын тек, Салгъыр да юрсетир,
Денъизден денъизге ёллар да корьсетир.

Булуттан отькен машина уятты мени,
Копюрп кельди кьаршыдан без гемп.

Узакьтан корьдп Кьырымлы бпр устудент,
Гулер юзьмен эте эдп гемпде субет.

Кьарадым огьа, умьотмен яшланды козьом,
«Мераба!» — дедпм, богьазда тутуды сёзьом...

29 агъустос 1926 с.

Ленпнград

Пристрастились к труду и мои берега,
Стала я миллионам сердец дорога.

Будет цель — и Салгир понесёт корабли,
Исполняя обет, если гордость велит.

Вдруг машинный гудок пробудил тишину,
Белоснежный корабль гордо пенил волну.

А на палубе юный студент — мой земляк,
Вдаль глядел, словно он капитан корабля.

Честь и гордость мои прослезили глаза,
«Здравствуй!», — всё, что успел я сказать...

Перевод П. Макухи

ЮЗ АЛТМЫШ ЙЫЛ!..

Юз алтмыш йыл!... Чатырдан койлерге чёке,
Яшнынъ, къартнынъ, сельбининъ бойнун буке...

Юз алтмыш йыл, гезине яйлаларда,
Кемшийип джылай сары бет балалар да...

Юз алтмыш йыл, къарышып тойларда юре,
Баракъ болуп геджелер чёллерде уре...

Ич бир келин дувагъын эскирталмай,
Ич бир йигит айгъырын секирталмай...

Авзы кульсе, козьлери окюрюп джылай,
Къызыл болса юреклер, сары чырай...

Юз алтмыш йыл, бир озен Салгъырман акъа...
Кунесувдай расткельген ерни якъа...

Юз алтмыш йыл, окътала джангъа, малгъа,
Койлючикнинъ сыртында чувалына.

Дюнья дёне, чатырдап, сес, седаман,
Къонъшуда той, чалгъыман, чагъанаман...

Юз алтмыш йыл, дувулдай къулакъларда,
Эшитильмий ич бир сес, ич бир седа...

Нечюн татар койлери къарангъы, басыкъ?...
Шеэрлерде маллелер чюрюк, сасыкъ?...

СТО ШЕСТЬДЕСЯТ ЛЕТ

Сто шестьдесят злых лет спускается с горы
И в рог сгибает люд, дубравы и дворы.

Сто шестьдесят злых лет гуляет по яйле,
Рыдают стар и млад, придавлены к земле.

Сто шестьдесят злых лет на каждой свадьбе сват
Собакой воет в степь, когда степи не рад.

Невесты ни одной не пробудит от сна
И всадника лишит гнедого скакуна.

Коль рассмеётся рот, то зарывает глаз.
Коль сердца алый цвет, то жёлтый лик у нас.

Сто шестьдесят злых лет в Салгир стекает муть,
Сжигая всё вокруг, как будто злая ртуть.

Сто шестьдесят злых лет, охотясь на людей
И торбы бедняков, как будто бы злодей.

Весь мир в движении, скрежещет и скрипит,
И у соседей пир и музыка звучит.

Сто шестьдесят злых лет гремит, как гром в ушах,
Ни звука от души, когда молчит душа.

В родных селениях бездомно и темно,
В кварталах городских прогнано всё давно.

Юз алтмыш йыл юкленген сачагъына,
Джамына пунар, къалдырым сокагъына...

Юз алтмыш йыл керильген яш сазыма,
Япышкъан дертлер тюн ве кюн богъазыма...

Юз алтмыш йыл тютюльген тельдже-тельдже...
Джин, перилер, тылсымлар, айле, этне...

Къара севда, хаял ёкъ къалемимде,
Дженнет, дженнем къайгъысы алемимде...

Темирнинъ окъы, Алимнинъ къош-пычагъы,
Сынгъан эди Джингизнинъ джез тырнагъы...

Такъдирни уруп бирев де тешалмады,
Такъдирнинъ уйген чёплюгин эшалмады...

Мен батырдым къалемим тап козине,
Яздырдым азат ферманын кене озине...

Шиирлерим джумлеси такъдирге мыскъыл!..
Такъдирге исьян, такъдирмен куреш текмиль!..

Такъдир ольди, басыкъ уйлер юкселир,
Джин, перилер, джавлар, тавлар экселир...

Юз алтмыш йыл эждерхасын ольдюрдим...
«Мадай тиль» мен буны язып бильдирдим...

*Язылгъан ери
ве тарихи белли дегиль*

Сто шестьдесят злых лет на Крым легли, как тень,
Туман в глазах домов, и ночь легла на день.

Сто шестьдесят злых лет рукой сжимает саз,
Как горе — горло мне здесь каждый день и час.

Сто шестьдесят злых лет ощиПЛен от кости,
Все — джины, гурии, и им нас не спасти.

В моём каламе¹ нет ни чувства, ни любви,
В моей вселенной ад и рай. И всё в крови.

В былом — Тимура лук, Алима острый нож
И Чингизхана меч, что был на рог похож.

Никто мою судьбу не смог пронзить стрелой,
Расчистить старый сор, что нанесён судьбой.

И я вонзил калам в её открытый глаз,
Её заставил сесть и написать указ

О вольности святой... А все мои стихи —
Насмешка над судьбой, разбег коней лихих...

Когда умрёт судьба, возвысятся дома,
Унизятся враги и горы, зло и тьма.

Сто шестьдесят злых лет прошли — убит дракон...
Я это рассказал доступным языком.

Перевод С. Дружинина

¹ Калам — перо для письма

ОН ДЁРТ ДЖАШЫМДА

(Икяе)

*Бу икяеми, беним къадар анълаян
Энис Бехидже итѡаф эдиѡрум*

Биз, татарлар, бек чалт тува, осе, ойнай, куле, сонъ тюшип олемиз... Ат устюнде, айгъырларнынъ аркъасынде джувурып джюрген бир бахтымыз бар... Тоз чанъгъыстып, козь къамаштырып чыгъамыз, сонъ бир айланмада, бир къыйыр, ыйыкъ¹ джерде, атымыздан тюшип, сессиз, ынъыртысыз², мугъаймай, окюнмий, джыламай оле, унтуламыз...

Барсын, эр халкъ тилегенидай омюр сюрсин; биз джашавнынъ бу союны, олюмнинъ бу джолуны сюемиз...

Бир татар баласы, секизде атланмасын, онда къайтармагъа, секиртмекке ойнап, он учъте сидане³ козьлерге урулып севда болмасын бильмесе, йигирми беш, отуз чагъында куръпедий балларын ташлап, темиз ал къанлар ичинде, я ки яшавнынъ богъуджы, оксюртиджи эллеринде ташсыз, бельгисиз бир мезаргъа насыл тюшеджек, айтынъыз, насыл?

Татарлыкъ къолай болса, татарларнынъ джашавы тек татарларнынъ котере биледжегиндай болмаса, бу къадар аз къалырмы эдик?..

¹ Ыйыкъ — ель тиймеген, тена бир ер.

² Ынъырты — хасталыкътан я да ѡргъунлыкътан инълеген киби «ынъ» сеси чыкъармакъ, ыхламакъ (рус. кряхтение).

³ Сидане — (рус. чёрный тмин).

В ЧЕТЫРНАДЦАТЬ ЛЕТ

(Рассказ)

*Этот рассказ посвящаю
понимающему меня без слов Энису Бехиджу*

Мы, татары, скоро родимся, скоро растём, в радости и веселье, потом умираем... Есть у нас счастье мчать стрелой на необъезженном коне... Вздывая клубы пыли, столь стремительно, что не уследить взгляду, мы начинаем свой путь... Потом, за безвестным поворотом какой-то глухой и неприютной стороны тихо сходим с коня и без стонов и печали, без слёз и обид, молча умираем... стираемся из памяти...

Пусть каждый народ живёт так, как ему хочется. Нам же по нраву такая жизнь, такая смерть...

Если татарин в восемь лет не может справиться с конём, в десять — лихо танцевать хайтарму, в тринадцать — влюбиться без памяти в сияние чёрных глаз, то, скажите, как же он в двадцать пять-тридцать, не сумев вырваться из цепких когтей судьбы, омывшись алой кровью и осиротив малых детей, сойдёт в затерянную где-то безымянную могилу? Скажите, как?!

Если быть татаринoм было бы легко и просто, если такая жизнь не была бы по силам только татарам, разве осталось бы нас так мало?..

В тот год Обезьяны черешня особенно уродила. Моя бабушка, после семидесяти потерявшая счёт своим годам, рассказывала, что тогда таты навезли той черешни в Кара-

Мечин джылында коп кираз болды; Къарасувгъа бу джыл кельген татнынъ, джыйылгъан киразнынъ ады-саны болмагъанын меним джетмиштен о ягъыны шашырмай саялмагъан къартанайым айтар эди...

Иште бу татлардан биреви мени арабасына салып, Улузенге алып кетти. Джолларда не корьгеними унуткъанман, я ки де балалыгъа барып, кийиз тёшевли арабанынъ ичинде кираз ашай-ашай, юкълап къалгъанман...

Улузенге ятсыда барып тюштик; джувукъларымдан бир оксюз къызчыкъ, Анифечик, бу койде бир аджынынъ балалыгъы болгъан эди. Биринджи кере бу аджынынъ уйюне бара эдим.

Аджи Бабай абдест алып отургъанда джетиштик; келунда мисваги, билеги омуз башына къадар тирелгъан, сарыкълы феси джелькесине тюшкен, кулип: «Машшалла, къыркъ бинъ кере машшалла!» — деп, къаршымызгъа чыкъты. Киразджы Къарасувны, Къарасувда корьгенлерини, градавайнынъ йимансызлыкъларын анънаткъан сонъ мени корьсетип: «Бизнинъ чобаннынъ улудыр!» — деди... Ичимден: «Меним адым джокмы, мынав!» — диеджек эдим, Аджи Акъайнынъ озю «Немечик» деп, бир де ад такъты...

— Немечик, хош гельдинъ, сафая гельдинъ... Сохтаджых... Иште къуман, иште леген, иште ериндедир.. Чых тёре.. Гель ки, шимди бираз енгенинъ къолуны опъ де, сонъ ашар да тынчылыр ятарсынъ... — деди.

Аджынынъ айткъанларыны башындан сонъуна къадар джерине кетирдим.

Сабадан сонъ кечкен бир къач кунъ мундай этип Аджи Бабайнынъ тюрю сабий ынджытмеен шакъасы, огютимен отип кетти... Бу койнинъ халкъы да муслюман экен...

субазар видимо-невидимо. И вот один из этих татов, усадив меня в свою мажару¹, повез в Улу-Узень. Виденного в пути не припомню, поскольку, по-детски от души наевшись черешни, я всю дорогу проспал на устилавшей мажару кошме.

До Улу-Узеня мы добрались к вечернему намазу. Моя близкая родственница сирота Анифе была приёмной дочерью одного Хаджи² из этого села. К ним домой я ехал впервые.

Мы въехали во двор, когда Хаджи бабай совершал омовение; в руке мисвах³, рукава подкатаны выше локтя, чалма сбилась на затылок. Улыбаясь, он вышел навстречу и поприветствовал нас: «Машаллах⁴! Сорок тысяч раз машаллах!».

После пространного рассказа о Карасубазаре, обо всём увиденном там, о бесчинствах городского продавец черешни, наконец, указав на меня, добавил: «А этот — сын нашего чабана».

«Будто у меня имени нет, «Этот»!» — подумал я и хотел возмутиться, как Хаджи бабай следом назвал меня «Этот, как тебя там»:

— Добро пожаловать, этот, как тебя там, школяр... Вот кумган⁵, вот таз — всё на месте. Проходи... А сейчас пойдём, поцелуешь енге⁶ руку, потом поешь и ляжешь спать.

Я в точности исполнил всё, что было сказано Хаджи.

¹ Большая длинная телега с решётчатыми бортами. *Прим. ред.*

² Форма обращения к человеку, совершившему паломничество в Мекку.

³ Араб. щётка для чистки зубов. *Прим. ред.*

⁴ Одобрительное восклицание, междометие, используемое в арабских и других мусульманских странах как знак изумления, радости, хвалы и благодарности Всевышнему. *Прим. ред.*

⁵ Узкогорлый сосуд, кувшин для воды с носиком, ручкой и крышкой, использовавшийся для умывания и мытья рук.

⁶ Жена дяди.

Оларнынъ да бизтек Къарасувдагъындай орюмджек билен джамилери; сабадан акъшамгъа къадар балаларны башына джыйып эджелеткен, тюркюлеткен; сабакъларны берип тёбелеп¹ джиберген сюрмели козь оджа бикелери²... Уйле, акъшам намазларындан сонъ сокъакъкъа салы куни чиркеф³ тѣккен къарыларыны сѣге-сѣге къавеге кетип, багъдаш къурып отургъан имамлары бар экен... Бу имам, бизнинъ Къайбулла эфендиге — эки ракъы шишеси бир-бирине насыл ошаса — шундай этип ошай эди... Базы къатына барып: «Къардашынынъ Къайбулла эфендиден селям бар!» — деп, козюне кирмекни тюшюне эдим... Къазакъларнынъ кацапы, мужики, учители, пристава тюрлю-тюрлюси бар. Бизнинъ татар халкъынынъ къалыптан чыкъкъандай бир-бирине ошагъанына тап о вакъытлер акълым джетишмий эди. Улузеннинъ бир яхшы шийи бар экен: бек мабет⁴ халкъы бар... Корьген киши бир-бирине селям бере... Анънашылгъан, коп зенгини джокъ...

Бир шийи даа пек яхшы экен: Койнинъ бираз узатгъында «Джарджур» деген бир учансув бар... Бизнинъ Татарда яхшы, тюльбер шийлернинъ ады даим мундай джары-джуртыдыр⁵. Бизнинъ къонъшунынъ къызы Къурттотай да аппачыкъ, ёсмачыкъ, шайлы, тюльбер бир къызчыкъ эди... Джарджур чевреси узун, беяз, ипекмен къаплангъандай къайын агъачларыман джараштырылгъан, чевреси тюрлю къонъур, сары, ешилъ ёсунларман

¹ Тёбелемек — урмакъ, къавгъа этмек, дѣгмек, сокъмакъ.

² Оджа бикеси — оджапче.

³ Чиркеф — кирли су.

⁴ Мабет — ибадет ери, ибадетхане, тапынакъ.

⁵ Джары-джурты — эскирген шейлер.

Несколько последующих дней прошли с такими же безобидными подшучиваниями и наставлениями Хаджи бабая...

Народ в этом селе, как оказалось, тоже мусульмане... И у них, как у нас в Карасубазаре, мечеть, затянутая внутри паутиной. Такая же учительница с подведёнными сурьмой глазами. Так же, собрав с утра детей, она до самого вечера заставляла их читать то по слогам, то нараспев, а после, раздав обед и отвесив затрещин, отпускала по домам. И у них имам после полуденного и предвечернего намаза тоже шёл в кофейню, по пути ругая женщин, по вторникам выплёскивавших на улицу воду после стирки, и так же сидел там, поджав под себя ноги. До чего же этот имам был похож на нашего имама Хайбуллу эфенди! Ну как две бутылки водки — друг от друга не отличить! Временами даже хотелось подойти к нему и сказать: «Вам привет от вашего брата-близнеца Хайбуллы эфенди!»

Вот русские — они все разные: у них есть кацапы, мужики, учителя, приставы. Я всё никак не могу понять, как же наши татары друг на друга похожи, будто всех из одной формы отливали! Что в Улу-Узене хорошего — народ у них очень дружный. Все друг с другом здороваются... Понятно, богачей меж них немного.

А самое лучшее из того, что у них есть — это водопад недалеко от села, Джар-Джур называется. У нас, у татар, всегда так: как что-то хорошее и красивое, так непременно назовут как попало. Вот и у нашего соседа дочка — Куртто-тай, а сама такая хорошенькая, такая красавица.

Окрестности Джар-Джура украшают высокие, стройные, словно обернувшиеся в белые шелка буковые деревья. Низвергающиеся с высоты нескончаемые бурные потоки пробивали в отвесных скалах глубокие борозды, поросшие влаж-

орътюльген бир чукъур, къатында да эсабсыз селлер-
нинъ агъырлыгъы, тишлери астында кемирильген, сызы-
къ-сызыкъ болгъан къаялар!.. Ах, серт, ичине кириль-
меген, нечюн тувгъаны билинмеген къаялар!.. Акъшам
устю къырмазы булутлар Къара денъиз устюнде Истанбул
ягъындан келип, де тынч, мугъавчан Къырымнынъ тѣбе-
синде къарарып джерге тюшкенде биерлерге чѣккен бир
тынчлыкъ, бир гъариплик бар... Бу гъариплик, тынчлыкъ
о вакъытта меним джюрегиме бир кирди... Ондан берли
не улу шеэрлернинъ сокъакларында, не де буюк джа-
йыларнынъ шаматалы, къайгусуз, тасасыз оюнларында
ташламай, джойтулмай... О къаяларны, о къаяларнынъ
кемирильген, сараргъан ерлерини, ораларгъа толгъан
сырларны сюемен; Бизнинъ проводниклердай, урус кав-
лерлериндай бакъырып, чакъырып, ичип, сарушлангъан
тюгюль, татар къызларындай кимсеге туйдурмай, озюне
де айтаалмай, яналмай сюемен, учунден сюемен...

Бир гунь акъшамны къыдырып Джарджургъа кеткен
эдим; къолумда бизнинъ усул-ы джедид оджасынынъ бер-
ген Жюль Верн деген бир оджанынъ «Гизли ада» деген
бир китабы бар эди. Бир талай джигитнинъ башына
кельген алларны узатып, анънатып язгъан, «Кѣрогълу»
тилинде... «Шах Исмаил»нинъ, «Кѣрогълу»нынъ гурзи-
мен¹, къылычман ясагъанын булар акъылман, ойларман
даа яхшы эттирип ясагъанлар... Булардан даа яхшы, даа
батыр кишилер...

Джарджур гурюльдеп, шувулдап, сызгъырып, копюрип
агъа эди. Беяз, къызыл, мавы чичеклер копюклерине къа-

¹ Гурзи — сиях оларакъ къулланылгъан агъыр топуз.

ным буро-зелёным мхом. Ах, эти грозные неприступные, неведомо для чего рождённые скалы!

Необъяснимой грустью и тоской наполнены здесь вечера, когда набегающие со стороны Стамбула пурпурные облака опускаются над Чёрным морем и простирают тени над безмолвным Крымом. И воцаряется тишина... Эти светлая грусть и тишина ещё тогда засели в моём сердце. С тех пор они не покидали меня, не забывались ни на улицах больших городов, ни на шумных беззаботных весёлых вечерах. Люблю эти скалы, эти тайны, сокрытые в поросших желтоватым влажным мхом глубоких морщинах скал. Люблю не как наши проводники или русские кавалеры, шумно, крикливо, в пьяном угаре у всех на виду, а люблю подобно татарским девушкам, скрытно ото всех, в глубине души, таясь, не признаваясь в этом даже себе самому...

Однажды на исходе дня я отправился к Джар-Джуру. В руках книга писателя по имени Жюль Верн, которую мне дал учитель новометодной школы, «Таинственный остров» называется. В ней подробно описаны захватывающие приключения целой команды смельчаков. Совсем как в «Кёр оглу» или в «Шах Исмаил», где герои творили такое, владея только кинжалом или булавой. Только, думаю, в этой книге команда удальцов была еще смелее.. Эти были ещё лучше, ещё бесстрашнее.

Джар-Джур с гулом, свистя и пенясь, шумно устремлялся вниз. Временами в пенном потоке мелькали, кружась, белые, красные, голубые цветы, то исчезая в воде, то вновь появляясь. Из воды уныло выглядывал упавший под напором бурных потоков тополь и виднелась занесённая песком трава. Расположившись под своим любимым тополем, я погрузился в раздумья. Потом лёг навзничь. Белые облачка на

рыша, уйрюле, чома, бата агъып кете эди... Отыкен сел-
лерде джыгъылгъан бир къавакъ¹, къумлар астында къал-
гъан бир къач къат олен, Джарджургъа кусип, мугъайып
тура эдилер. Сюйген бир къавагъымынъ астына отур-
дым, бираз тюшюндим. Сонъ чалкъа тюшип джаттым.
Кокте безджа булутлар тюрли-тюрли бичимлер кийип,
ойнаша-ойнаша тавларнынъ устюнден денъизге таба
джувурша эдилер. Бу памукъ булутлар козиме джабыл-
гъандай болды. Юкъугъа баргъаман. Бир къач сес эшит-
тим. Турып къарандым... Алдымдагъы сыкъ чатырмак-
лыкъта бир ший коралмай кене джаттым...

Экинджи кере бирден ат, ит, киши сеслерин ве сес-
селернинъ саиплерини якъынымда таптым... Беш аты
мавы козь, къара козь, сарышын, къараджан, тюзсюз урус
хатунлары, ики де проводник...

Татар джашлары къара сатинден кийимлер, тар лакорон
этиклер кийген эдилер... «Къарагъа къара джарашмаз,
шерт болмаса», — дийлер. Буларгъа шеритсиз, ишаретсиз
де бек джарашкъан эди. Урус къызлары къыскъа фистан-
лары, чыпакъ къоллары, моюнларыман «Къара Давуд»
китабынынъ дегенидай кийинмесин бильмеген халкъ
болгъанларын косътерип тура эдилер. Мундай матур
къызлар ачыкъ болса да, зияны ёкъ... Бизнинъ мааленинъ
къызларыдай чиркин албастыларыны ортымектен башкъа
чаре джокъ, меним ойлавымча... Башларында джельпиреп
тургъан татарджа ишлемели, бейит язылы марамалар бар
эди... Атлары, бизнинъ алып къачкъан ики аякъ тургъан,
сабысын таныгъан, сонъ заманларда, койде, къулан чёлле-
ринде тувып шеэрлернинъ бир коше башында олип къал-

¹ Къавакъ — сельби (рус. тополь).

небе, принимая самые причудливые формы, резвясь и играя друг с другом наперегонки, проплывали над вершинами гор и опускались к морю. Показалось, будто эти облака пушистой ватой опустились мне на веки. Я задремал. Из забытья меня вернули голоса. Привстав, я огляделся. Ничего не увидев сквозь густые заросли, вновь погрузился в дрему.

Открыв глаза во второй раз, обнаружил рядом с собой всех разом: коней, собак и тех, кому услышанные ранее голоса принадлежали. Пять или шесть голубоглазых, кареглазых блеклых русских девушек и двое проводников.

Одежда у татарских юношей из чёрного сатина, на ногах узкие лакированные сапоги. Говорят, чёрное к чёрному не подойдёт, если не отделать галуном. Но это им было к лицу и без галуна, и без каких других украшений. Русские девушки в коротких платьях с открытыми руками и шеей подтверждали сказанное в книге «Кара Давуд», что они из народа, не знающего одежды. Но если такие хорошенькие девушки так открыты, то ничего зазорного в том нет... Не то что девушки из нашей округи, которым, как по мне, только и остаётся, как прикрывать свою неприглядность... Головы девушек покрывали развевающиеся расшитые марама татарской работы.

А кони... Это были мчавшие нас, встававшие на дыбы, чувствовавшие мысли всадника наши любимые кони, рождённые в бескрайних степях, но в последнее время затерявшиеся в городских закоулках. В прежние времена наши предки на этих конях побеждали врага, достигали на них семи морей, верхом на них рождались и умирали, на спинах этих лошадей похищали любимых... А после смерти своих скакунов хоронили их в отдельных могилах, и хвосты их развевались на древках наших высоких ни перед кем не склоняемых знамен...

гъан суюгюли татар атларымыз эди. Бурунгы заманларда бабайлар бу атлар устюнде джав къайтаргъан, дюньянынъ джеди денъизин корьген, буларнынъ устюнде тувып ольген, бу атлар сыртында суюгюлисин, нишанлысын алып къачкъан; ольгенде айрыджа къабир ясап комьгенлер, къуйругъы энъ юксек, ич эгильмеген байракъларымызнынъ башында джельпиреген, далгъалангъан... Биз джаявмыз... Биз, торунлар, бу атларны унуттыкъ... Олар да бизни ташлап кеттилер... Шинди ким билир къайсы халкъларнынъ астында эски куньлерни, бабайларнынъ давуулы, барлыкълы, сырмалы куньлерин унутып кене копуре, кене джувуралар. Джавларыны койлерине, мурадларына алып кетелер... Биз джаяв къалдыкъ... Къач юз джылдан берли... Эр ерде, эр къошуда, эр куреште... Аталары суюйик. Бизимдже пейгъамбер биле кокке Буракъ деген атыман чыкъкъан... Башкъа тюрю чыкъалмаз да.. Эски атларымыз болса, онларны минеджек джигитлер булунса, биз де чыгъар эдик, Къуран опийим, чыгъар эдик...

Татар атларындан бу къадар айтсам да, татар джашларындан коп айтаджакъ шийим джокъ... Булар эр кимнинъ бильген, пассажер таныгъан, гаспада корьген тазы копеклеринден бинъ къат яхшы проводник джашлары...

Бираз атларын джетип, Джарджурнынъ сагъын, солун айландылар... Анънашылгъан, эгленеджек коп ший табалмай, магъа къарашып, кулюшмеге башладылар... Мен къазакънынъ кульмесине аслы душман болгъаныман, турып кетмек истедим. Шу саат алгъы¹ джашлардан биреви къатыма келип:

¹ Алгъы — бурунки, эвельки, баштасы.

А сейчас мы пешие... Мы, потомки, забыли этих коней. И они покинули нас... Кто знает, под каким народом они резвомчат сейчас, позабыв бывшие славные, привольные, счастливые дни и голоса наших предков?! В какие края они несут победы, чью волю исполняют?.. Мы же остались пешими. Вот уже сколько столетий... Везде, на всех состязаниях, в каждом поединке... Так будем же любить лошадей. Даже наш пророк¹, говорят, поднялся к небесам на своем коне по имени Бурак. По-другому ведь никак бы не смог... Были бы у нас те кони, что встарь, да нашлись бы удалцы, что смогли бы их оседлать, и мы бы поднялись... На Коране клянусь, и мы бы смогли...

Только об этих татарских юношах, как о татарских конях, мне сказать нечего. И всех-то они знают, пассажиров чувствуют лучше, чем борзые приезжих господ...

Немного придержав коней, перейдя на шаг, они обошли Джар-Джур с одной и с другой стороны... Не найдя более ничего занимательного, временами поглядывая на меня, стали пересмеиваться между собой... Не вынося насмешек в свой адрес, особенно со стороны приезжих, я поднялся, собираясь уйти. В это время ко мне подошёл один из молодых проводников:

— Иди сюда, барышни хотят тебя видеть.

Не успел я ему ответить: «На что я им, тебя что ли не хватает?!», как барышни в два счёта окружили меня... В этот момент, как и любой татарский мальчишка, от смущения я потупил взгляд, опустил голову, покраснел. Это, видимо, ещё более позабавило барышень, одна из них, выхватив книгу у меня из рук, спросила по-русски: «Что читаешь?». «Жюля

¹ Пророк Мухаммед. Речь идёт об исламском сюжете, когда Пророк Мухаммед совершил чудесное ночное путешествие верхом на Бураке из Мекки в Иерусалим и обратно. *Прим. ред.*

— Кель мында, барышнялар сени корьмек истейирлер, — деди.

— Сени корьгени джетишмийим, мени кьальтеджеклер?.. — демеге вакъыт кьалмай, барышнялар ики секиргенде мени кьоралап алдылар. Мундай вакъытте эр татар баласына болгъаныдай меним де козьлерим алдыма тюшти, башым эгильди, бетим къызарды... Бу алым барышняларнынъ даа зияде ошуна кетсе керек, бирев кьолумдагъы китабны акърын алып къарады. Урусча: «Не окъуйсынъ?» — деди. Мен озь-озиме айткъандай: «Жюль Верн», — дедим. Къызлар бирден: «Маладес, маладес», — деп анънамагъан шийлеримни сорамагъа башладылар... Проводниклермен олар: «Жюль Вернинъ къангъы китабыдыр, я?» — деп сораттылар...

Мен проводниклерге заваллы Жанларнынъ, Пьерлернинъ башына кельгенлерин анънаттым. Барышняларгъа бек зияде отти. Гаспада, халкъ джаным, мерхаметли бола!..

Бираз даа козюме къарагъан сонъ къач яшында болгъанымы, бу койде яхшы татар ишлемели марамалар къайда табыладжагъыны билип-бильмегенимни сорадылар. Мен де: «Он дёрт яшымдаман, энъ яхшы марамаларнынъ джерини билемен», — дедим. Бираз кенъештен сонъ алгъы проводниклерден биревин бир барышняман кьошып, къыдырмагъа джибердилер. Бу къызнинъ ады — эр урус къызы къартанайымын айткъаныдай, Марушке тюгюль бит!.. — Анюта экен.

Сары сачлы, мавы козлю, узунджа бетли, кескин сакъаллы, индже узун къашлы, узун тогъай боюнлы, индже белли, ойнар, кулер, «Сен дур, мен айтайым» демесе де,

Верна», — пробормотал я будто самому себе. Девушки, хором зашебетав: «Молодец, молодец», — стали расспрашивать меня, но я ничего не понял. Тогда они переспросили через проводников, какую именно книгу Жюль Верна я читаю.

Мне пришлось рассказывать проводникам о том, что приключилось с несчастными Жанами и Пьерами. Барышням это очень понравилось. Господа, оказывается, чувствительный народ!

Потом, осмотрев меня, они спросили, сколько мне лет, не знаю ли я, где в этом селе можно найти марама¹, украшенные ишлеме². Я ответил, что мне четырнадцать и я знаю, где есть самые хорошие марама.

Немного посоветовавшись, решили одного из проводников вместе с одной из барышень отправить со мной в село. Имя этой девушки, как верно говорила моя бабушка «Не каждую русскую девушку Марусей зовут», было Анюта.

Светловолосая, голубоглазая, с нежным овалом лица и острым подбородком, с тонкими, будто нарисованными бровями, высокая, стройная, с тонкой талией, она была весела и игрива, но при этом могла за себя постоять. Живая она или соткана из воздуха, земная она или бестелесная?..

Когда мы неспешно спускались к селу, оставшиеся у водопада ещё долго что-то кричали и свистели нам вслед. В вечерней тьме лишь по вспыхивавшим время от времени огонькам от раскуриваемых сигар или чубуков можно было заметить нескольких человек, сидевших на углу узкой улочки... Мы

¹ Марама — женское головное покрывало у крымских татар. *Прим. ред.*

² Ишлеме — традиционная крымскотатарская вышивка. *Прим. ред.*

кимсеге баш бермеген къапмаджа... Джанлымы, джансызмы, ашанырмы, ашанмазмы?..

Биз яваш-яваш койге тюшкенде артта къалгъанлар бизлерге коп вакъытке къадар бакъырып, сызгъырып турдылар... Акъшам къаранълыгъында ара-сыра тар сокъакъ кошесинде бирден джанып сѣнген бир къач сигара, чубукъ орада бир къач кишининъ отурып тынънашкъаныны бильдире эди... Базы бир итке сюрюлип, базы да тавукъларны, чипчелерни къонгъан сырыкъларындан урькютип джюрдик...

Барышняны, мени Улузенге кетирген алгъы акъайнынъ уюне алып бардым; апакъай бизни коктен тюшип джерде табылгъан джылдырым ташындай бек рагъбетлеп алды. Оджакъ башында тургъан садефли куръсининъ устюндеги лампаны алып, пештымалыман тозыны, топрагъыны сийлеген сонъ барышняны къолундан тутып, устюне отуртты. Бизге де бирер миндер берди... Джебесини де откъа сюрген сонъ проводниктен, неге кельгенимизи сорады...

— Абла, яхшы марамаларынъ бармы? Эсап, асыл, бинъ, не де болса, исте истегенинъ. Тек магъа кумюште къырк капик теллялыкъ берирсынъ, — деди.

Къары, сессиз къалкъып уйге кирди... Бир богъча чыкъарды... «Озиминъ гелинлик джейизим, о да болса, онъып, осип къулангъаным ёкъ», — деп проводникке узатты. Проводник, барышнягъа бар урусча билгисин тѣгип, шербентилерин, марамаларын чевирип-чевирип, силкип-силкип анънатмагъа башлады...

Барышня бир къач данесин бегенип айырды... О вакъытке къадар абла къавесин пиширип къулпсуз¹ фин-

¹ Къулп — савутларнынъ сап киби алкъа шеклинде олгъан тутыладжакъ ери.

шли, то и дело натываясь на бродячих собак или тревожа сидящих на насестах кур.

Я повёл барышню к дому аги, который привёз меня в Улу-Узень. Его жена радушно встретила нас, хотя поначалу растерялась от неожиданности, будто прямо перед ней с неба молнией упал метеорит. Убрав со стоявшего подле очага стула лампу, она несколько раз протёрла его своим передником, потом, взяв барышню за руку, усадила её на этот стул. И нам дала по миндеру¹. Поставив джезве² на огонь, она спросила у проводника, зачем мы пришли.

— Абла³, есть ли у тебя хорошие марама? Цена на них, вообще-то, тысяча, но, как бы то ни было, проси сколько ты хочешь. Только мне с каждого рубля за посредничество по сорок копеек дашь.

Молча поднявшись, женщина ушла в другую комнату. Вскоре она вынесла большой узел. Со словами «Это моё приданое, пользоваться им так и не довелось» протянула узел проводнику.

Проводник, перебирая марама и шербенти⁴, встряхивая и рассматривая каждые с обеих сторон, рассказом о них разливал перед барышней все свои познания в русском. Барышня отложила в сторону несколько понравившихся. К этому времени подоспел кофе, абла каждому подала по фильджану⁵. Девушка рассмеялась, хоть и отнекивалась поначалу, но потом взяла в руки фильджан и выпила весь без

¹ Миндер — матрас. *Прим. ред.*

² Джезве — турка, сосуд для приготовления кофе. *Прим. ред.*

³ Форма обращения к старшей женщине, тёте. *Прим. ред.*

⁴ Шербенти — женское головное покрывало у крымских татар из тонкой ткани (кисей). *Прим. ред.*

⁵ Фильджан — кофейная чашка. *Прим. ред.*

джанларман кѳолумызгѳа туттурды... Барышня шакѳлап кульди, башта «ичмем» десе де, сонѳ алып, тюбюне кѳа-дар ичти... Бизим эфендининѳ де тойларда «ашамам» деп, сонѳ сюннет локмасына кѳадар тоялмагѳанын аз корьге-ним джокѳ.

Апайман проводник коптен базарлыкѳкѳа башлагѳан эдилер. Проводник марамаларнынѳ, шербентилернинѳ фиатына коптен разы болгѳан эди; лякин озюнинѳ тел-лялыгѳына кѳыймет бичалмай, огѳраша эди. Энѳ сонѳ кумюште отуз капиге: «Мана дува этерсин, олюме кѳадим окѳурсун, абла!» — деп разы олды. Акѳчаларны барышня берди. Марамаларны мен алдым; чыкѳтыкѳ. Проводник аблайман эсап корьмекчюн артта кѳалды; мен тахта мер-дивенлерни тюшкенде барышнянынѳ козине кѳарадым... «Анѳнайман, проводник... Кѳальтерсин?» — дегендай этип кулумсиреди. Тышта бираз бекледик. Проводник джетишип кельди. Кѳаранѳгѳыда меним кѳолума да бир кѳач капик кѳыстырды. Мен акѳчаны бир кѳолымдан о бир кѳолыма авуштыргѳан сонѳ проводникнинѳ кесе-сине шувдырдым. Бек сююнсе керек, аркѳамны таптады. Барышня кене кульди. Кульгенде козьлеринде бир таныш-лыкѳ, бир сыджакѳлыкѳ корюне эди... Бир кѳач саат ичинде онынѳ тилини тилемегеними, еди кѳат ябанджы олгѳанын бутюнлей унуткѳан эдим... Тап о вакѳытлерде кульген кишилерни айткѳан кишилерден даа чалт таны-гѳан бир хуюм бар эди. Айдынлыкѳ жарыкѳлы джер-лерде козьлерине кѳарай, кѳарай, бир кѳач вакѳыт даа кеткен сонѳ проводникке: «Мен кѳайтаман», — дедим. Барышня анѳнады. «Ярын гене о вакѳыт Джарджургѳа келирсинѳми?» — деп соратты. Мен: «Ишим болмаса,

остатка. Совсем как наш имам эфенди на свадьбах, поначалу скромно отказывающийся от еды, а затем съедавший всё до последнего локума¹. Таких я повидал немало...

Хозяйка и проводник завели долгий торг. На цене за марама и шербенти сошлись давно, однако проводник всё никак не мог сложить цену за своё посредничество. В итоге, сойдясь на тридцати копейках с каждого рубля, согласился на том, что абла станет молиться за него, а по его смерти прочтёт заупокойную молитву. Анюта отдала деньги, я взял в руки марама. Мы вышли, проводник остался получить от абла ему причитающееся.

Спускась по деревянной лестнице, я взглянул на барышню. Она понимающе усмехнулась: «Проводник... что поделаешь?». Мы подождали на улице. Подоспевший проводник в темноте сунул мне в руку несколько монет. Переложив их в другую руку, я ссыпал всё в его карман. Видно, его это очень обрадовало, он похлопал меня по плечу. Анюта снова рассмеялась. Когда она смеялась, в её глазах было что-то родное, близкое. За эти несколько часов я напрочь забыл, что не понимаю её языка, что она для меня семь раз иноземка. Ещё в то время у меня была способность распознавать людей не по словам, а по их смеху.

Свет из окон местами освещал улицу, в это время я пытался перехватить её взгляд. Дойдя до развилки, я повернулся к проводнику: «Мне пора».

Барышня поняла это.

— Завтра в то же время придёшь на Джар-Джур? — спросила она через проводника.

¹ Локум — пончик из дрожжевого теста, жаренный в масле.
Прим. ред.

бараман», — деген сонъ айландырып: «Эр кунъ о вакъыт Джарджурдаман...», — дедим. Барышня озъ араларында ясагъандай къолын узатты, мен де, учителиме ясагъандай, туттым, кулюштик... Проводник аркъама урып: «Йимансыз фармазан!» — деп куле эди... Айрылдыкъ... Уйге кельгенде кейфим чыкъты. Мына саде бир барышнясын джувурып къол сыгъып лаф эткениме коксюм къабарды. Коп айтмагъаныма, бильгенлеримни тѣкмегениме, ич болмаса Жюль Вернинъ Робенсонларындан, нелеринден сѣз ачмагъаныма пешман болдым... Джанъгъыз болгъанымъа къайгъуландым... Къарасувда болса да, о курдюк, къурунтылы гимназистлерим буны коръсе эди, дедим. «Ярын Анифечикке, Аджи акъайнынъ улуна анънатайым да, бир шашсынлар», — деп ойлады, Сонъ: «Я мыскъыл этерлер, я инанмазлар», — деп, айтмайджакъ болдым... Къыс-къасы, «Къыналы пармакъ, джез тырнакъ, алтын оймакъ. Сенинъ татлы сѣзюне болурмы тоймакъ», — деп къаралтыгъа келип джеткеним туймадым биле. Уйде Анифечик къоклачыкъларын тизген; юзерликтен, бакъа отундан ашлар пиширген, ешилъ гульги шалийден къафтанчыкълар бичип тиккен; базарлар къурып, сатувлар эткен, къыз ягъы, эр ягъы анънашкъанлар; шеммаларны якъып, тойны башламакъ ичюн мени беклеп тура экенлер. Буюк къара козьчиклерини ачып, бир къолчугъыман саччыкъларыны сыйпай, сыйпай мени тазирлемеге къоюлды...

— Къайда къалдынъ? Кетип, анда бир талай балаларман ойнадынъ я. Мундан сонъ мен де сенинъмен лаф этсем, къокълачыкъларымнынъ джылай-джылай козьлери шишти... Къудагъыйлер ач, той сабысы, ашлар сувды.. Новость, онъмас!..

— Если не будет дел, приду, — серьёзно ответил я.

Затем, смягчившись, добавил:

— В это время я каждый день на Джар-Джуре.

Барышня, как это принято у них, протянула мне руку, я же, как в нашей школе приветствуют учителя, ответил рукопожатием. Мы рассмеялись. Проводник, хлопнув меня по спине, тоже рассмеялся: «Ах, бесстыдник!»

Мы расстались. По дороге домой от мысли, что сопровождал барышню, непринуждённо беседовал с ней и пожал ей руку, меня переполняла радость. Но я сожалел о том, что был немногословен, что не смог раскрыть всего, что знаю, не рассказал хотя бы о тех же Робинзонах Жюль Верна¹. Печально моё одиночество. Вот если бы это было в Карасубазаре, видели бы это мои упитанные напыщенные товарищи-гимназисты! «Завтра Анифе и сыну Хаджи ага расскажу об этом, — подумал я. — Пусть удивятся». Потом засомневался: «Вдруг засмеют меня, вдруг не поверят...». Решил ничего им не говорить. С этими мыслями, напевая «Къыналы пармакъ, джез тырнакъ, алтын оймакъ. Сенин татлы сёзюне болурмы тоймакъ...», я даже не заметил, как подошёл к дому...

По возвращении домой радужные мечты рассеялись. Маленькая Анифе, рассадив всех своих кукол, наготовила им еды из руты и подорожника, из зелёной цветастой шерстяной ткани пошила им одежды, кто со стороны невесты, кто со стороны жениха, всё распределила. Оказывается, всё готово к свадьбе, зажжены свечи, и все ждут только меня. Глядя большими чёрными широко распахнутыми глазами,

¹ По всей видимости, речь идёт о приключенческом романе Жюль Верна «Школа Робинзона», написанном и опубликованном в 1882 году. *Прим. ред.*

— Айды, айды... Мен сагъа бала тюгюльмен... Шинди атешке урармен кьокълаларынъны!» — дедим... Анифечик мугъайып, бувсанып, козьлериме къарады... Сонъ бирден узун килимнинъ устюне отурып, джыламагъа башлады. Бу дакъкъада Анифечикнинъ оксюзлиги эсиме тюшти... Сёзюме пешман болдым. Къатына отурдым: «Айланайым къадемден... Мен шакъа эттим де, я... Мундай той кунни шакъа этмесе киши, не вакъыт этсин?.. Айды, джибер къудагъыйлеринъни, тюшюр аш къазанын, мен чакъыр-тувлыларны джерлештирийим», — деп ёл авасынъ чалмагъа башладым... Анифечик бираз кусип тургъан сонъ барышты. Бир саат ичинде еди кунъ, еди гедже той этти, Исфахан шахынынъ кызыны бир дервишке бердик... Гелин, киевге онъып, осип къалгъы-къалгъы. Мен де Анифечикнинъ къудагъыйына кьошулып, келин авасы чалсам да, келиннинъ джувуклары болып джылайджакъ такъатым къалмады. Анифечик: «Мытлакъ джылайджакъсын, мундай келин боламекен?.. Артындан джыланмагъан келин боламекен?» — деп сыкъарлай эди. Мен: «Джетишир энди, къадем! Бунынъ анасы да къайыль, бабасы да къайыль, мында джылайджакъ не бар?..» — десем де, болмады... Энъ сонъы кене бозуштыкъ... Анифечик кьокълачыкъларыны бир-бирине урды... Ашларны тёкти... Келинмен киевни бир кошеге атты... Мен де шеммаларны сёндюрдим. Чаршыларны боздым. Мундай этип биткен бир той, къол астына кельген бир онъгъанлыкъ бозулды, харап болды... Не зарар, бизде мундай шийлер учундан да бола...

Эртеси кунъ Джарджургъа тамам уйледе бардым. Рушдиеден берильген жён урбасыны кийип, къаралакълы

поглаживая ручкой свои волосы, она принялась меня отчитывать:

— Куда ты запропастился? Ушёл и с другими детьми играл, да? И как мне после этого с тобой разговаривать, если у моих кукол от слёз глаза распухли?! Гости и сваты — все голодные и еда вся остыла... Тоже мне, новость!

— Ладно-ладно... Я тебе не ребёнок... Не то выброшу всех твоих кукол в огонь!

Маленькая Анифе, огорчившись, с обидой взглянула на меня, и, опустившись на длинный килим¹, заплакала. Меня кольнула мысль о том, что она сирота, и пожалев о сказанном, я опустился рядом с ней:

— Ах, ты, милая моя сестричка... Я же пошутил. Если не на свадьбе, когда же ещё можно шутить? Айда, приглашай сватов, накрывай на столы, я же буду рассаживать гостей.

И завёл песню, которой у нас на свадьбах встречают гостей...

Вскоре Анифе забыла обиду, и мы помирились.

За один час мы сыграли свадьбу в семь дней и семь ночей и выдали дочь шаха Исфахана за дервиша. К концу свадьбы невеста с женихом поднялись из-за стола. Наступил момент прощания невесты с родителями. Я стал напевать мелодию прощания с родительским домом, но плакать от имени близких невесты у меня больше уже не было сил. Но маленькая Анифе не унималась:

— Ты обязательно должен плакать! Разве такие невесты бывают? Разве бывают невесты, вслед за которыми не плачут!

— Ну, хватит уже, сестричка! У неё и мать согласна, и отец согласен — с чего тут плакать?

¹ Ковёр, палас. *Прим. ред.*

парылдавукъ къушагъымны такътым. Кичкене чал къалпагъым урбама уюп келе эди... Джарджургъа кеткен эр куньки ёлумы ташлап, тавлыкънынъ ичинден кеттим. Бугунъ кесирткилермен, кобелеклермен коп ишим болмады. Токътамай джюрип, ярым саатте джетиштим. Анютаны, къолунда къамчы, озъ башына сувнынъ башында таптым... Бирден устюмден салкъынлыкъ кечти... Къоркъмагъа башладым... Къачып кетер эдим... Коръди... Джупурып кельди. О да къызаргъан эди... Халис татарджа: «Сен бу джолны да билесим?» — деди. Мен: «Эбет», — деп, кулюмсиредим. О да, козьлерини ачып, кулюмсиреди... Сонъ, бираз тюшюнип: «Сенинъ бек къарувлы козьлеринъ бар!» — деди. Сонъ бираз индемий джюрген сонъ: «Келинъиз, сизге яхшы когем джыяйым», — дедим... Разы болды... Джапкъа табан тырмашмагъа башладыкъ... Джолда: «Сиз татарджаны бир кунъде къайдан, насыл уйрендинъиз?» — дедим. «Мен татарджаны коптен билем. Биз эр яз Къырымдамыз. Ыргъатларымыз Москвада да татар... Татар яхшы киши», — деп кулюмсиреди... Бу арада когемни унутып, бир къаячыкънынъ устуне отурдыкъ. Алдымызда Къара денъиз къою мавы бавурыны ачып корюнди... Экевимиз де денъизге къарай эдик... Булутлар, без, памук булутлар, серин рузгяр козьлеримизни ала, коксюмизни шишире эди. Гузель, бавуры без къарылгъачлар, парылдавукъ къара чавкелер, турналар, елькенлерин долдырып, оджакъларын тютетип без, сырлы гемилер; джашынлы, джавунлы берекет булутлары бизге эп Къара денъизден келе... Къырым, Къара денъизнинъ биринджи козьдеси, биринджи хатуны... Къырымнынъ тюльберлиги, Къырымнынъ инджилери, багъы,

Но Анифе стояла на своём. В итоге мы снова повздорили. Она сгребла всех кукол в кучу, выкинула угощение, а жениха с невестой швырнула в угол. Я погасил свечи, разобрал всё. Так из-за нелепой мелочи в один миг разрушилась созданная идиллия. Не беда, такое у нас и в жизни случается...

На следующий день в полдень я отправился на Джар-Джур. Надел новую форму, выданную в рушдие¹, подпояслся чёрным блестящим лакированным ремнём. Небольшой халпах² из светлого каракуля очень подходил к моей одежде. К водопаду пошёл не своей привычной дорогой, которой ходил каждый день, а напрямик, через лес. Сегодня мне не было никакого дела ни до кузнечиков, ни до бабочек. Не останавливаясь, я добрался до места за полчаса.

Анюта стояла одна у воды с хлыстом в руке... У меня по телу пробежал холодок. Я оробел, хотел было броситься прочь... Она увидела меня...Быстро подошла, тоже вся покрасневшая. На чистом татарском спросила:

— Ты и эту дорогу знаешь?

— Конечно, — ответил я, улыбнувшись.

Она, глядя на меня, тоже улыбнулась. Немного помолчав, добавила:

— У тебя очень смелый взгляд.

После недолгого молчания я предложил:

— Давайте, я соберу вам красивый букет...

Она согласилась.

Мы стали подниматься по склону. Дорогой я спросил её:

— Как же вы смогли за один день выучить татарский?

¹ Крымскотатарское светское учебное заведение, гимназия.
Прим. ред.

² Мужской головной убор. *Прим. ред.*

багъчасы бутюнлий Къара денъизинъ бахшышы, онынъ далгъаларынынъ кетирген юзь корюми... Бугунъ буларны яхшы билемен, яхшы коремен. О вакъытларда конълюм тоя; Къара денъизге аджыларнынъ Кябеде Къара ташкъа тапынгъаныдай тапыныр эдим.

Бираз сонъ Анюта денъизге къарап далгъан, бир парча темиз, далгъасыз, тынч денъиздай мавы козьлерин магъа чевирди... Индже, узун къашларын котерип: «Мен татарджа джырлар да билемен», — деди. — «Айды чалайыкъ!» Тёбем кокке тийди. «Башлайынъыз!» деменге вакъыт ташламай охшагъан, сыйпагъан, тазе, къавий сесимен «Айвазалнынъ чешмеси» башлады. Мен бу джырнынъ бу къадар гузель, бу къадар къыйметли болгъанын шиндиге къадар дуймагъан эдим... Бизнинъ чобан Абселям: «Татар джыры, эсирмесенъ¹, кишиге отъмий», — дер эди. Анютанынъ конълюне кирген, онынъ тилинде, индже къызыл дудакъларында долашкъан бу джырны тап къызгъандым, куннедим. Анюта, джырнынъ эр бейитин, эр сёзюн дане-дане айтып, бу кучюк татар сёзлерине, ичине тотурылгъан дуйгуларны, фикирлерни, умитлерни бирер-бирер айырып, анълап, туйып, ич шексиз сюйип айта эди.

«Сарылгъайдым, ольгейдим индже белине!» — деген еринде ич къоркъмай чалып кечти. Бундан сонъ «Къыналы пармакъ», «Эбабиль къушнынъ ювасы», «Сидане козь»ни мен чалдым, о да къошулды.

— Ах, не гузель джырлар... Боже... Не гузель джырлар... Сиз яхшы халкъ, сиз джигит халкъ! — деди.

— Сиз бизлерни сюймийсиз; мен корьдим... Урус ышкъоаларынынъ диварларындаки суретлерде корьдим.

¹ Эсирмек — бакъмакъ, беслемек, етиштирмек.

— Татарский я знаю давно. Мы каждое лето приезжаем в Крым. И прислуга у нас в Москве из татар... Татары хорошие люди, — сказала она улынувшись.

Забыв про букет, мы присели на выступавшие камни. Впереди, распахнув тёмно-синюю ширь, раскинулось Чёрное море. Мы молча любовались им... По небу плыли белые, будто вата, облака, прохладный ветерок веял в лицо, наполнял свежестью грудь. Белогрудые ласточки, высоко парящие чайки с чёрным росчерком на крыльях, наполненные ветром паруса и дымящие трубы белых и разноцветных кораблей, несущие благодатные дожди облака — всё это дарует нам Чёрное море. Крым — это первая любовь Чёрного моря, его избранница. Красоты Крыма, его жемчужины, цветущие сады и виноградники — всё это дары Чёрного моря. Его волнами вытесан этот неповторимый облик. Сегодня я вижу это и прекрасно осознаю. В такие минуты душа переполняется. Я поклонился бы Чёрному морю подобно тому, как паломники поклоняются Чёрному кубу Каабы.

Через некоторое время Анята, отведа от моря задумчивый взгляд, взглянула на меня своими ясными синими, как безмятежная морская гладь, глазами, и, вскинув тонкую изящную бровь, сказала:

— Я и песни татарские знаю. Давай, вместе споём!

Я был на седьмом небе. Не успел ответить, как она чистым, нежным, ласкающим слух звонким голосом запела «Фонтан Айвазовского». До этого я и не предполагал, какая это красивая и глубокая песня. Наш чобан¹ Абселям говорил: «Татарская песня, если её через себя не пропустить, до человека не доходит». Я будто заново открыл для себя эту песню, что вошла в душу Аняты и лилась с языка её и тон-

¹ Крымскотат. пастух.

Сизлер, бизлерни ольтиресиз... Эр кес биле, сиз бизлерни суюмийсиз... — дедим. Шакъылдап кульди...

— Олар башкъа адамлар. Олар бизни де суюмийлер... Олар градавийлер... Мен сюемен татарларны... — деп, бир къолыман къулагъымны тутып, козюмнинъ ичине къарамагъа башлады... Сонъ ики къолуман мойнумны чырмап, башымны озюне тартмакъ истеди... Козълерине къарадым... Эски кульгини, эски ачыкълыкъны табалмадым... Козълери думанлангъан, къарышкъан эди... Мени хатун къыз джерине къойгъан бу эрдайын къыздан бир тийсин дим, башымны аркъагъа тарттым: «Ташланъыз! Мен проводник тюгюльмен!» — дедим. Анюта бирден тартылды... Бираз бозулгъандай болып тюшюнген сонъ эки элимен козълерин къапап, тюневин акъшам Анифечикдай, джыламагъа башлады... Къатына отурдым... Меним козълерим джашланды; къолларын ынджытмай, санки туйдурмай туттым, бетинден айыргъан сонъ назик, тогъай моюнчыгъын сарып, алтын киби сачларман ортюльген башчыгъын явашча аркъагъа таба къайырдым; сонъ къыбырдагъан, ярым ачыкъ къалгъан индже дудакъларына дудакъларымын тийдирип, мен де джыламагъа башаладым. Сонъ яшлы, мавы козълерини опытим, опытим... Шу саатте Къырымда, Къазанда, Кашгъарда, Китайда айтылгъан татарджадан бир тек джыр, бир тек бейит, бир тек сёз эсеме тюшалмай... Онынъ да башкъа вакъыт сёзден бошалмагъан дудакълары, меним укюмде, меним эмримде тынч, сессиз къалгъан эди...

Байгъынджа, думанлы козълерине бираз къарагъан сонъ: «Корьдинъми, татарджа догърусы будыр!» — дедим. Анюта, яшлы козълеримен кулюмсиреди... Козълери-

ких алых губ. Через каждый куплет песни, каждое отдельно взятое слово Анята, бесспорно, с любовью, понимая и пропуская через себя эти короткие татарские слова, передавала переполнявшие её чувства, мысли, надежды.

Ничуть не смущаясь, она спела «Сарылгъайдым, ольгейдим индже белине» («Всё отдал бы на свете за твой тонкий стан»). Потом я спел «Къыналы пармакъ» («Пальцы, окрашенные хной»), «Эбабиль къушнынъ ювасы» («Гнездо горной ласточки»), «Сидане козь» («Чёрные глаза»), а она подпевала мне.

— Ах, какие красивые песни! Боже... Какие красивые... — Вы хорошие люди, вы смелые.

Я ответил:

— Вы не любите нас, я это вижу. Видел на картинах, что висят на стенах в русских школах. Вы убиваете нас. Все знают, что вы нас не любите.

Она рассмеялась в ответ:

— Это другие люди. Они и нас не любят. А я люблю татар.

Сказав это, она коснулась моего плеча и посмотрела на меня. Потом обвила руками шею и попыталась приблизить моё лицо к своему. Я заглянул ей в глаза. Прежней смешинки, прежней открытости в них не было... Взор её затуманился. От такого напора, поставившего меня в положение, будто я девушка, стало не по себе. Я отпрянул назад: «Оставьте! Я вам не проводник». Анята резко отодвинулась. Раскаившись в своей минутной слабости, трогательно закрыв лицо обеими ладонями, точь-в-точь как вчера маленькая Анифе, она разрыдалась. Я присел рядом. Мои глаза тоже заволокли слёзы. Бережно, едва коснувшись её ладоней и отведя их от лица, я обнял её за тонкую шею, откинул назад златокудрую голову и, прижавшись губами к её дрожащим тонким полу-

мен сюзип, сюзип къарады; сонъ: «Сен он дёрт яшында тюгюльсюн!» — деди.

Турдыкъ, джувурштыкъ, ойнадыкъ... Огъа, дайымны, уюмизни, къорантамызны айттым, уйреттим... Гимназиени битирген сонъ истудент боладжагъымны, рушдиеде биринджи болгъанымны, куреште, ат бинювде кимседен артта къалмагъанымны, суюген атларымны, оларнынъ хуйларыны, оны сююндиреджек, кульдиреджек шийлернинъ алайыны айттым, тѣктим... О да татарларны не къадар суюгенин, мени козюмден анънагъанын, татаргъа бараджагъын, алай сырларын айтты, тѣкюнди... Тюневинни корюклигим, бугуньки къуванчларман ириди, чогъамни, даа тюневин, оны фыйтонларгъа салып, Къарасувнынъ баш улицасында кездирмек тилий эдим, бугунъ энди, эюмизни, энъ зияде оны корерлер деп, къоркъаман... Оны яшырмакъ, тюльбентлер, къафеслер аркъасында яшырмакъ, кимсеге косьтермемек тилиймен... Раатым да бек еринде тюгюль эди. Базы-базы джалпакъ къашларын чатып, Аджы Акъай демир кулли машасын алып, анайчыгъым козюминъ алдына келир эди... Бу саатте машадан тюгюль, гедже-къундюз къайралгъан къылычлардан, бинълердже Донске къазакълардан биле къоркъмаз эдим. Дженгизлер, Акъсакъ Тимурлар да, оджа айтмаса да, мен билемен, мундай бир чифт козьнинъ хатырычюн дюньяны аст-устъ эткен эдилер... Мен оларнынъ балаларыман. Суюгеним болсын, мен де этермен.

Коп тюшюнмий турдыкъ, топламагъан чечек, тутмагъан келебек ташламадыкъ. Сонъ Анютагъа мелевше, папатие, келинчик, беяз, мавы, къызыл тюрли чечеклерден герданлыкълар ясадыкъ.

раскрытым губам, тоже заплакал. Потом целовал и целовал её мокрые от слёз голубые глаза. В эти минуты из звучащих по-татарски в Крыму, Казани, Кашгаре, Китае песен, куплетов, слов в памяти не было ни единого ... И её, в другие времена не умолкавшие, губы затихли во власти моих губ.

Глядя в её томные затуманенные глаза, шепнул ей: «Видишь, как по-татарски правильно!». Анята усмехнулась. Остановив на мне долгий взгляд, ответила: «Тебе не четырнадцать лет!»

Поднявшись, мы бегали, играя в догонялки. Потом я рассказал ей о своём дяде, о доме, семье. О том, что после гимназии стану студентом, а пока в своей рушдие я первый, и ни от кого не отстаю ни в скачках, ни в куреше¹. Рассказал о любимых лошадях, их норове... Излил всё, что могло её позабавить и рассмешить. А она поведала о том, как любит татар, что замуж выйдет за татарина, что сразу поняла и прочувствовала меня по глазам, поверила мне свои девичьи тайны. Мои вчерашние намерения развеяла сегодняшняя радость. Ещё вчера я мечтал посадить её в фаэтон и прокатить по главной улице Карасубазара, а сегодня я больше всего опасаюсь того, что её увидят. Хочу скрыть, спрятать её от посторонних глаз под сверкающей накидкой или за узорчатой решёткой. На душе было беспокойно. Временами перед глазами возникал нахмуривший брови Хаджи акай, грозя железными щипцами для углей, временами — любимая мамочка. Но сейчас не то что железных щипцов для углей, я не побоялся бы даже ни днём и ночью натачиваемых мечей, ни тысячи донских казаков! И Чингиз, и Хромой Тимур, хоть об этом не говорил учитель, но я знаю, они могли перевернуть мир

¹ Традиционный вид спорта у тюркских народов, национальная борьба на поясах. *Прим. ред.*

Меним опыкен джериме ал, мор бирер чечек чык-
кьандай болды... Анюта магъа вальс ойнамасын уйретти.
Пушкиннинъ, Лермонтовнынъ бизнинъ сыйгюмиз
устюне язылган сёзлерин окъуп анънатты... Мен де огъа
тюшип тападжакъ болдым... Бир даа опюштик, ярын саба
табышаджакъ болып айрылдыкъ. Бир балабан кутюкке
сюрюнгендий инди. Коптен акъшам болгъанын анъна-
дым... Анюта узакътан: «Бавбек!» — деп бакъырды... Мен
де: «Анюта!» — деп къайтардым... Якъын къаялар бир къач
кере «Анюта — Бавбек!» деп джанъгырадылар. Узакъ-
тан джымылдагъан лампалар, бир къач сызгырыкъ, бир
къавал, айван сеслери... Сонъ денъизден сыйпап келген
салкынджа бир ель... О вакъытта бутюн эшиткеним, дуй-
гъаным...

Уйде Аджы Акъай ачувланып отура эди. Арабасын чек-
кен, Къарасувгъа кетеджек экен... Анифечикмен экеви-
мизни тойгъа алып бараджакъ экен... «Мен кетмиймен,
меним тойда башым авура... Мен къудагъыйменим?.. Къу-
дагъыйлер барсын», — деп, эр ягъындан алып бакъсам да,
дженге де устюме тюшип, гедже ярысында, ай ярыгъында
сувлардан башкъа ич бир шийинъ сеси чыкмагъанда ара-
багъа миндик.

Анифечик татлы-татлы джукълай эди... Бу гедже онынъ
мен къокъла ойнамагъа не къадар буюк истегим бар эди!..

Бираз яваш-яваш кечип кеткен джол боюндаки агъач-
ларны къарап, юксеклерден акъып кельген сувларнынъ
шырылтыларын динълеп отурдым... Анютаны, оны не
вакъыт кореджегимни, онынъ шинди, ким билир, къаер-
лерге кетеджегини, къаерлерде башкъасын сыйип эвле-

ради пары любимых глаз! Я из их рода-племени! Ради любимой я тоже смогу!

Забыв обо всём, мы собирали цветы, ловили бабочек. Потом вместе плели Анюте веночки из фиалок, ромашек, маков.

А у меня на месте её поцелуев тоже будто распустились алые, лиловые цветы... Анюта научила меня танцевать вальс. Читала стихи Пушкина, Лермонтова о любви, такой же, как у нас. И я тоже старался подобрать подходящие строчки... Расставаясь, мы ещё раз поцеловались, договорившись завтра встретиться вновь. Я споткнулся о выступавший пень, оказывается уже давно наступил вечер... Издалека Анюта крикнула: «Бавбек!». Я отозвался: «Анюта!». Горы вокруг откликнулись раскатистым эхом: «Бавбек! Анюта!».

Вдали мерцающий свет окон, доносится свист, звуки свирели, домашней скотины... С моря ласкающий прохладный ветерок — это всё, что я видел, слышал и ощущал в эти минуты.

Дома ждал сердитый Хаджи акай. Выкатил мажару во двор — как оказалось, он собрался ехать в Карасубазар. Нас вдвоём с маленькой Анифе, оказывается, на свадьбу повезёт.

— Я не поеду! У меня от свадеб голова болит! Я что — их сват? Пусть сваты едут!

Как я ни сопротивлялся, какие бы доводы ни приводил, всё тщетно, тем более к Хаджи акаю присоединилась ещё и его жена. В полночной тиши, нарушаемой лишь звуками воды, при свете луны мы тронулись в путь.

Анифе сладко спала. Как же мне хотелось играть с ней в эту ночь в куклы!

Некоторое время я молча глядел на сменяющие друг друга придорожные деревья, прислушивался к журчанию

неджегини тюшюндим... Ойларыма атланып Москавагъа, къазакъ ичлерине кеттим... Ораларда оны балларда, къан-сертлерде, тансларда гъамсыз, кедерсиз къазакъ забит-лерининъ ичинде, къатында, тап къатында джилъелене, ойнай корьдим. Бирден богъазым сыкъылды, башым къызды... Окюрип-окюрип джыламагъа башладым... Аджы Акъай: «Олян, сенинъ кибики эриш, сенинъ кибики ярамаз бала корьмедим... Койде отургъанда къальтеджесин?.. Сени де окъуй, сени де бир ший оладжакъ дийлер... Языкълар болсун!» — деди. Кене де джюреги иймиш боладжакъ... Башымы сыйпап: «Джылама, огълум», — деди, сен энди бала тюгюльсюн... Айып!. Келеджек джаз мен озюм кетирирмен, он дёрт джашында адам. Артыкъ балабан джигитсинъ!.. Айып, балабан джигитсинъ!...».

Мундан сонъ бир джаз тюгюль, бек коп джаз кене бардым... Джарджурны алт-устъ эттим. О ерлерде къайгъудан, сыкъынтыдан, бир къач да бурюшик бетли, оксюрип, ынъырматып джюрген гаспадалардан башкъа бир ший табалмадым... Анюта Джарджурдан акъкъан сувдай бир даа къайтып кельмеди... Ким билир, оны шинди бахты къаякъларгъа, къайсы денъизлерге алып бара... Коп вакъытлер кетип алгъы къаянынъ устюне отурыр да, тюшюнир, къайгъырыр. Энъ сонъу: «Ич болмаса, не Аджы Акъай, не атамнынъ хабери болмады я!» — деп, сююнуп къайтар эдим. Бугунъ де бунджа джыллар, узун, толу джыллар кечкен сонъ бундан башкъа сююнеджек, конъюль аладжакъ шийим джок... Бельки ич бир вакъыт болмайджакъ да...

сбегавшей с гор воды... Думал об Анюте, свижусь ли с ней вновь, о том, куда она уедет, где она, полюбив другого, выйдет замуж?.. В мыслях я на коне примчался в Москву, в самое сердце их мира. Там видел её, нарядную, красивую, на балах, концертах, танцах, беззаботно и весело порхающую в обществе русских офицеров. Разом дыхание перехватило, в голову ударила горячая кровь... Я отчаянно разрыдался.

Хаджи акай ничего не мог понять: «Эй, парень, таких, как ты непослушных детей, таких озорников я ещё не видел... Что ты будешь делать в этом селе? О тебе говорят, что ты учишься, что из тебя какой-то толк выйдет... А ты?!». Но всё же сердце у него было мягкое. Поглаживая меня по голове, он стал приговаривать:

— Не плачь, сынок! Ты уже не ребенок... Стыдно! Следующим летом я сам тебя привезу, четырнадцатилетний человек. Ты уже взрослый йигит!¹.. Йигиту стыдно плакать!

После этого я ещё не одно лето, а много лет приезжал сюда. Исходил Джар-Джур вдоль и поперёк. Ничего, кроме печали и скуки, да ещё нескольких сморщенных, кашляющих и покряхтывающих господ там я не нашёл. Подобно бегущей с Джар-Джура воде Анюта сюда больше не вернулась. Как знать, куда, к каким морям занесло её счастье? Может, спустя много времени она придёт сюда и, присев на выступ скалы, с грустью и печалью вспомнит былое. Меня, по крайней мере, радовало, что прошлое осталось моей тайной. Никто, ни Хаджи акай, ни отец даже не догадывались о том.

И сегодня, по прошествии долгих, наполненных событиями лет, у меня нет ничего, что было бы выше этой любви, нет ничего, что бы так же запало в мою душу... Нет и, может, никогда и не будет...

¹ Крымскотат. парень, молодой человек.

ЭКИ ДЕРВИШ

(Икяе)

Аджы Эмир Асан эфенди Бекир-заде дженапларына

Азрети Умернинъ адалети бутюн кяфирлернинъ козьлерини яшарткъанда, Ислямынъ джешилъ санджакълары Инднинъ, Китайнынъ, Рум Къайсерлигининъ къуббели таванларында далгъалангъан заманларда, бугунъ джерлернинъ, къуртлар ашагъан сары ташлы тюрбелернинъ астындаки джигитлер: «Эбедийет, эбедийет!» — деп тюркюлерини айткъанда, Бизининъ Яйла тавларында арсланлар, барслар долашкъан вакъытта, Хиляфет шеэринде, Шам-ы Шерифте акъ сакъаллы, акъ сарыкълы бир къартнынъ, Шейх Исмаил эль-Къандийнинъ, эки эгиз огълу дюньягъа кельди. Бирисининъ ады Юсуф, о бирининъ Исхакъ болды. Бабалары бир коп джыллар беш вакъытта беш кере балаларынынъ онъгъанлыгъына, дин-и Ислямнынъ дюньялар сонъуна къадар мансур ве музаффер болмасына дуа эткен сонъ Кирамен Кятибин мелеклери амель дефтерин толдырып Мункир ве Некир мелеклерининъ къолуна бердилер... Ахыреттен, олюмден къоркъмагъан муминлерге даа о вакъытлар Азраиль алейхисселям сарыгъын сарып, абдестин алып тесбисинъ чекечеке, къапы кагъып: «Селямюн алейкюм», — деп келир. Хош-бештен¹ сонъ зияретининъ себебини анълатыр эди... Даа ясанаджакъ хайырлы ишлери болгъанларгъа

¹ Хош-беш — селямлашув, ал-хатыр сорашув.

ДВА ДЕРВИША¹

(Рассказ)

Хаджи Эмир-Асану эфенди Бекир-заде²

В незапамятные времена, когда в густых лесах нашей яйлы водились львы и барсы, когда восторженные юнцы, чей прах давно уже истлел под замшелыми дюрбе³, слагали стихи о вечности, когда праведность святого Омера⁴ вызывала слёзы умиления даже у неверных, когда зелёные знамёна ислама развевались над городами Индии, Китая и Римской империи — в одном из городов халифата⁵, славном Дамаске, у почтенного шейха⁶ с белоснежной чалмой⁷ Исмаила

¹ Дервиш — мусульманский мистик, приверженец философии суфизма, аскет.

² Эмир-Асан Бекир-заде — выходец из Крыма, проживал с семьёй в Турции, владел сетью крупных магазинов. Известен своей благотворительностью, помогал обучающимся в Стамбуле в начале XX века крымскотатарским студентам, в частности, самому Б. Чобан-заде. Дети: сын Амди Бекир-заде (Адаман), дочь Анифе Бекир-заде, стала супругой видного крымскотатарского общественно-политического деятеля Джафера Сейдамета.

³ Дюрбе — в мусульманской архитектуре усыпальница-мавзолеец знати либо известных духовных лидеров.

⁴ Праведник Омер — Омер (Умар) ибн аль-Хатаб аль-Фарук (ок. 585—644 гг.) — второй из четырех праведных халифов, выдающийся государственный деятель, сподвижник Пророка Мухаммеда.

⁵ Халифат — мусульманское государство, в котором правление осуществлялось в соответствии с религиозными законами шариата.

⁶ Шейх (араб. старик, мудрец) — в мусульманских странах глава дервишского ордена, иногда — правитель, крупный чиновник.

⁷ Особая роль в инициации дервиша отводилась чалме, игравшей в исламе семиотический знак благословения. Голубой цвет

мухлет бергени де болур экен... Шейх Исмаил эль-Къандийге де Азраиль алейхисселям бутюн къазаларыны тамамлап, борчларын берип, огъулларын окъутып азыр-ленген сонъ бир кунъ келип кирди:

— Я, Шейх Исмаил эль-Къандий, азырсынъмы? Бү дюнъя-йы фанийде къысметинъ битти. Тек бир ютум Зем-зем ичсенъ, ич. Экинди намазынъны къыл, акъшам нама-зынъны Танърынынъ дуасы макъбул къулларыман барабар къыларсынъ.

Шейх Исмаил копден берли беклеген мусафирине джер косьтерип:

— Я, Азраиль! — деди, азырман. Земземни ичтим, экинди намазыны къылдым, иман дуаларымны да окъу-дым, рухумны къабз эт...

Азраиль, Шейхнинъ берген рухуны алып ешилъ джюз-данында¹ эзельден айрылгъан уджречикке² салды, тес-биини тарта-тарта о гуньки зияретлеринъ бир къачыны даа битирмеге реван болды.

* * *

Бабалары ольген сонъ Юсуфман Исхакъ, Шейх-тен къалгъан дюнъялыкъны пайлаштылар. Исхакъ эки памукъдай эчкини алды. Табиаты балалыгъындан бери дервишлиге-софулугъа авгъун, майиль болгъан себебли Хавран тавларындан бирине кетип бир магъарагъа³ къа-панды. Итикаяфкъа отурды. Асхаб-ы Кехифнинъ магъара-лары да биерлерде бир ерде дий тургъанлар...

¹ Джюздан — кисе (рус. портмоне, кошелёк).

² Уджре — кичкене ода, апсхане камерасы.

³ Магъара — къоба.

эль-Канди появились на свет два сына-близнеца. Одного называли Юсуф, другого — Исхак¹. Долгие годы отец усердно совершал пятикратный намаз во здравие сыновей, во славу и победу веры ислама до конца миров, пока, наконец, ангелы, неустанно записывающие все наши мирские дела, дойдя до последней страницы книги его Бытия, не передали её ангелам Мункиру и Некиру²...

В те времена ангел смерти Азраил³, мир ему, совершив абдест⁴ и повязавшись чалмой, по обыкновению, спускался на землю и, перебирая чётками, стучал в двери правоверных, которые, к слову, не боялись ни смерти, ни потустороннего мира. Представ перед ними с приветствием «Селямун алейхум!» — «Мир вам!» и обменявшись полагающимися при встрече расспросами, он излагал причину своего появления. Не успевшим завершить своих праведных земных дел он, бывало, давал и отсрочку, чтобы они смогли довести их до конца.

Когда же благочестивый шейх исполнил свои мирские дела, оплатил долги и выучил сыновей, Азраил, мир ему, предстал и перед ним:

означал первую стадию пути к познанию Бога — шарият; жёлтый — вторую стадию тарика; красный — третью, мистическое знание; белый — высшую четвертую стадию достижения истинной реальности. Белая чалма — атрибут суфийского шейха: наставника, учителя, примера для подражания, посредника, заступника.

¹ Юсуф и Исхак — соотносимы с библейскими патриархами Иосифом и Исааком.

² Мункир и Некир (*мус. рел.*) — два ангела, исповедующие души умерших об их земных делах.

³ Азраил (*мус. рел.*) — ангел смерти, соответствует библейскому Гавриил.

⁴ Абдест — ритуальное омовение.

Юсуф десенъ, бабасындан [къалгъан] аттар тюкя-
нында алыш-вериш ишлерине далды. Аршын, терезе-
мен, шейтаннынъ бу эки къара иджадыман ойнамагъа
башлады... Эр кунъ, эр саат башы устюнде Къуран-ы
Шерифнинъ «Вейлюн лиль-мутаффифин» буюргъан
аети башынынъ устюнде атештен язылып салланыр
эди. Коп вакъытлар Иблис аршыныны узатыр, тере-
зесининъ дараларыны денъиштирир, малларынынъ
фиатларыны арттырыр эди. Лякин Юсуф, эр кересинде
шейтаннынъ десисесини сезер, эр шейни тюзетир
эди... Шейтан бир къач вакъыт къонъшуларгъа барып:
«Юсуф сизни алдата, Юсуф хырсыз, уджузны паааа»,
азыны коп, узунны къыса джерине сата», — деп тамар-
ларына шубэ тѣкип къанларыны да къарарткъан эди...
Лякин Юсуф: «эль-Кясиби Хабибуллаһ», — деп, тюкя-
ныны ачар, «Хаза мин фазли Рабби», — деп, къапан,
акъшам намазына кетер эди. Юсуфнынъ куръпедий
къозулары да бар эди. Уюнде Аллаһнынъ берген нимет-
лерине: «эль-Хамдю л-Илляһ», — деп, къол къалдырса
дѣрт-беш масум сабий «Амин!» дер эдилер. Юсуфнынъ
чагъарагъы эр акъшам, эр саба без думанлар чыгъарып
тютер, бу думанлар кок джолунда гузель, берекетли
булутчыкълар болып Шам-ы Шерифнинъ узун шере-
фели месджидлери устюнден барып тюрбели тавлар-
нынъ тѣбесине къонар эди.

* * *

Булай этип джеди джыл кечти ве Юсуф — Исхакъ
къарындашларгъа «сыля-и рахм» этмек ваджип болды.
Исхакъ, Юсуф шеэрнинъ шаматалы, тозлы, чамурлы дур-

— Ну как, шейх Исмаил эль-Канди? Ты готов?! Время твоё в этом бренном мире истекло. Дозволяю тебе, если пожелаешь, испить глоток воды из Земзема¹, совершить вечерний намаз, а уже ночную молитву вознесёшь вместе с угодными Танры² рабами божьими...

Шейх Исмаил пригласил долгожданного гостя в дом:

— О, Азраил! Я готов! И воды из священного Земзема успел испить, и вечерний намаз совершить, и молитву в подтверждение веры³ прочитать — можешь принять мою душу!

Получив душу шейха, Азраил аккуратно сложил её в специально предназначенное отделение своей зеленой сумы и, вновь беспечно перебирая чётками, продолжил путь — ему предстояло совершить ещё несколько визитов, намеченных на этот день...

* * *

После кончины шейха его наследство перешло к сыновьям Юсуфу и Исхаку.

Исхак оставил себе лишь двух белоснежных козочек. С детства склонный к набожности и благочестию, он удалился

¹ Земзем — название колодца с исцеляющей водой у священного камня Каабы в Мекке.

² Танры — верховное божество древних тюрков. До возникновения мировых религий — иудаизма, христианства и ислама — тюрки имели древнюю религию — тенгрианство, праметарелигию монотеистического характера, возникшую предположительно в конце II — начале I тыс. до н. э. Основана на вере в Танры (Тенгри) — Вечное Синее Небо.

³ Аль-Фатиха (араб. Открывающая) — первая сура Корана, подтверждающая единобожие, повествующая о совокупности идей и общем значении Корана. Фатиха — наиболее распространённая мусульманская молитва, объективно читаемая в конце каждой канонической молитвы — намаза.

с ними в леса Хеврона¹. Уединившись в одной из пещер и отрешившись от всего мирского, он стал отшельником. Говорят, прибежище Людей Пещеры² также было где-то в этих местах.

Юсуф же продолжил дело отца — занялся торговлей. Отныне в его руках заиграли аршин и весы — эти два коварных творения шейтана³. Но ежедневно и ежечасно его оберегала огненными письменами выведенная на стене сура священного Корана «Вейлюн лиль-мутаффинин» — «Горе обманывающему в торговле!». Долго ещё искуситель пытался сбить его с истинного пути: то укорачивал его аршин, то переставлял деления на весах, то ценники завышал. Однако Юсуф каждый раз замечал бесовские ухищрения и приводил всё в порядок.

Тогда враг рода человеческого повадился нащёптывать соседям, пытаясь отравить их кровь червоточиной вражды и наполнить вены ядом сомнения: «Юсуф вас обманывает! Он — вор! Дешёвое выдаёт за дорогое, малое — за многое, а короткое — за длинное». Несмотря на все происки шейтана, Юсуф неизменно переступал порог своей лавки со

¹ Хеврон — один из древнейших городов мира, святыня для пудеев, христиан и мусульман. Столица палестинской провинции Хеврон.

² Люди Пещеры (Асхаб аль-Кахф) — молодые люди, спрятавшиеся вместе с собакой в пещере, чтобы уберечь свою веру в единого Бога во время преследований. По воле Аллаха юноши проспали в пещере 309 лет. Эпизоды, посвящённые им, изложены в Коране, в 18-й суре «Пещера». Отождествляются с персонажами христианского сказания «О семи спящих отроках эфесских».

³ Шейтан — в исламском богословии, злой дух, враждебный Всевышнему и людям, пытающийся сбить человека с истинного пути, используя его плотские стремления и желания удовольствий (нафс), а также такие качества как жадность, злоба, зависть.

мушыны, дервиш магъарасынынъ темиз, лекесиз джолларына булаштырмасын, «эхвен-и шеррейн» меним кетмеклигим деп, Шам ёлуны тутты... Бир де Юсуфкъа кераметин косътермек тилеп, ал джавлыгына без эчки сютю тотурып котюрди... Бугунъ электиригине, автомобилине, параходына шашкъан Европа бу сют толу явлукъны коръсе, эр шийни унутур эди... Лякин о вакъытлерде эвлия ятагъы болгъан Шамда бугъа кимсе шашмады. Эр девирнинъ озъ муджизеси бардыр. Юсуф, Исхакънынъ къолундан явлугъын алып: «Аллаһ разы болсун!» — деп чивиге асты.

Тюкян тюрю бикемлер, ханымлар, сейиделер, шерифелермен толу эди. Исхакъ озюни бир той уйинде дуйды. Гузель козьлер, индже къашлар джюрегинде билинмаген, анълашылмагъан, не арапча, не аджемдже тефсири кучъ, тевили мушкуль бир талай дуйгъулар, яшав, дюнья тилеклери уяндырды... Лякин о саат алгъы чивиге асылгъан джавлыкъ ичиндеки сют, тамам онынъ астына отурып, бир миск шишесини ачмагъа огърашкъан зенджи¹ къарысынынъ башына тамламагъа башлады. Зенджи къарысы, инджеден бир сес чыгъарды. Юсуф, шу саат джавлыкъны джеринден алды. Исхакъкъа да:

— Эй, азрети Дервиш! Озинъе мукъайт бол! Бу тюкянда шейтан коптир, — деди. Исхакъ, мундай этип аз бир заманда мундай джылларджа эмгек, гъайретмен къазанылгъан кераметнинъ дагъылып кеткенини коръди.

О гедже Исхакъ сабаа къадар тевбе, истигъфар этип чыккъан сонъ эртеси кунъ шу саат магъарасына кетмек истеди:

¹ Зенджи — темнокожая.

словами «Эль-касибу хабибуллах» (Убереги меня, Аллах, от неправедных дел) и покидая с благочестием «Хаза мин фадли Рабби» (Все обретенное — от милости Всевышнего), шёл на вечернюю молитву.

А дома в кругу семьи его ждали пять чистых безгрешных ангелочков. Когда после вечерней трапезы он, воздев к небу руки, благодарил Аллаха за милость, сидящие вокруг стола детки вторили за ним «Аминь» — «Да будет так!»

По утрам и вечерам над крышей его дома струился белый дымок. Поднимаясь все выше и выше, на небесном пути он превращался в благодатные облачка. Проплывая над стройными минаретами мечетей славного Дамаска, они находили приют над усыпальницами на вершинах далёких гор.

* * *

Прошло семь лет. Согласно шариату¹, братьям Юсуфу и Исхаку, во избежание охлаждения родственных связей, настал срок свидеться. Дабы Юсуф не принёс грязь и пыль городской суеты в чистую и возвышенную обитель дервиша, Исхак выбрал наименьшее из зол и решил сам отправиться в Дамаск. Чтобы явить Юсуфу чудесное проявление милости и величия Аллаха, он задумал отнести ему белое козье молоко, налив его... в обыкновенный алый платок. Из тонкого платка дивным образом не то, чтобы не пролилось, но и не просочилось ни единой капли! Подхватив связанный за концы узелок, он отправился в путь. Видела бы это чудо удивившая мир своими автомобилями, электричеством, парохо-

¹ Шариат (араб. Правильный путь, образ действия) — комплекс предписаний, определяющих убеждения и формирующих религиозную совесть и нравственные ценности мусульман. Шариатские предписания закреплены Кораном и сунной Пророка Мухаммеда и выступают источниками конкретных норм, регулирующих практически все сферы повседневной жизни мусульман.

— Я, Юсуф, эй заваллы кърдашым, менинъдай, энъ абид, энъ заид бир софуны бир саатчикте мундай этип сарскъан бир джерде сенинъ джыллардан берли ким билир не къадар гунахынъ джыйылгъандыр. Вазгеч бу дюнья ахвалындан, хатунынъы боша, балларынъ достла-рынъа джибер, тюкянынъ къапат, кель магъарагъа чеки-лийик... Башкъа тюрлю сенинъмен дженнетте растлашма-мыз, ярын ахыретте къол-къолгъа бериб, кърдаш болып омюр сюрмемиз мушкюльдир.. Юсуф, бек тюшюнип:

— Сен кет, Аллаһ селямет берсин, мен де бир ший-лер этермен! — деди. Сонъ: «Кетирген сютюнъ тюкянда акъып битсе де, бизни булай тюшюнменъе Ваджиб Таала разы болсун! Сагъа базы атеш керекир деп, бираз къор кетирдим!» — деп кисесинден бир джавлыкъ чыгъарды, ачты, ичинде гуль киби бир къор бар эди...

Исхакъ шу саат Юсуфнынъ дереджесин анълады. Аякъларына къапанды. Вакъыт кечирмий Юсуфнынъ тюкянына чыракъ болып кирди. Экеви де бек аллы, кераметли киши эдилер. Ольгенде къабирлеринде нур джанды... Эм де тюрбелерини халкъкъа ясатмай, озле-рининъ къазангъан акъчаларыман тиктирдилер... Аллаһ шефаатлеринден марум этмесинъ. Амин...

Бу язгъанларымыз, догъру, муслюман кишилернинъ риваетимен, бир коп тарихларнынъ шаатлигимен сабит-тир. Бундай шийлерге инанмагъан чюрюк джанлылар да бир коп илимлерде табирин табарлар.

дами просвещённая Европа — онемела бы от изумления! Но в Дамаске, обитатели святых, в то время никто этому не удивлялся. Что ж, у каждого времени свои чудеса...

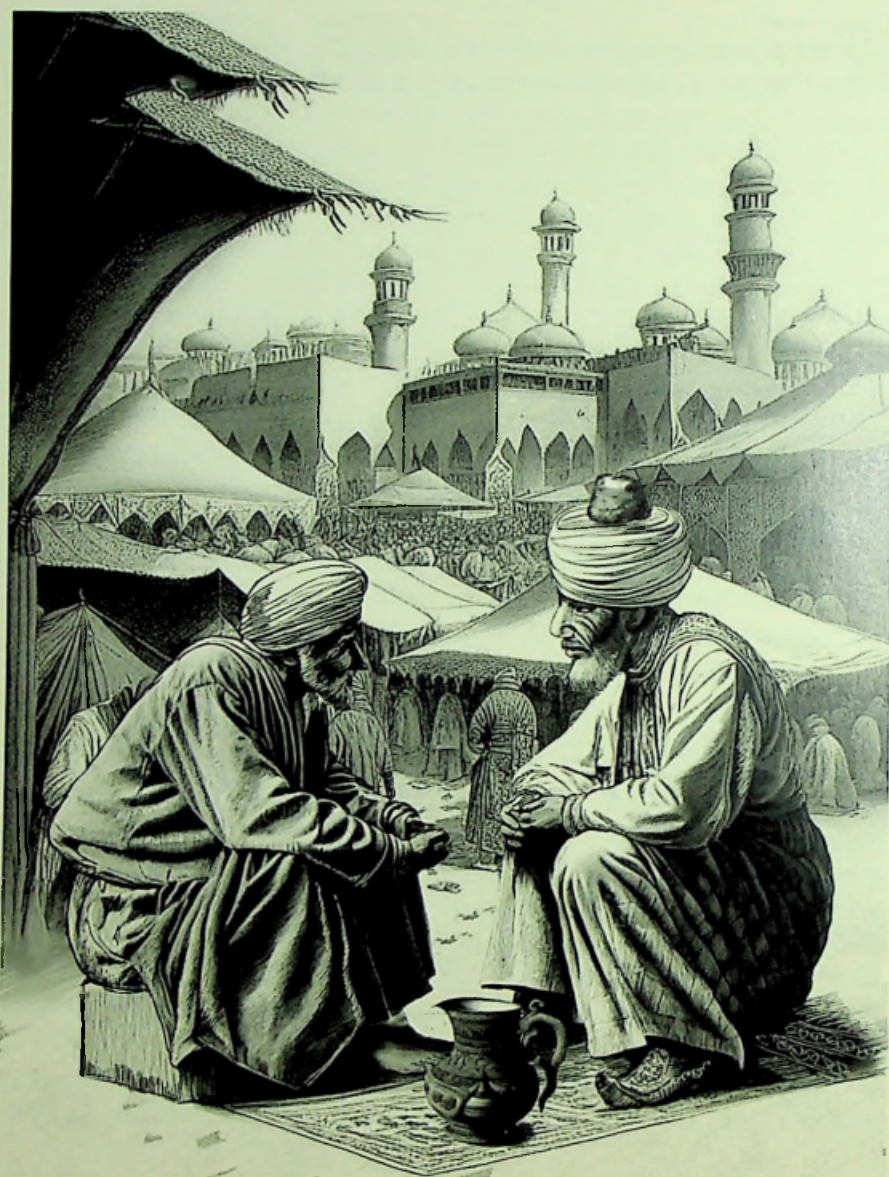
Приняв узелок из рук Исхака, со словами «Да будет это угодно Всевышнему!» Юсуф повесил его на один из крюков, вбитых вдоль стен его лавки.

В утопающей в роскоши и благоухании изысканных ароматов лавке было полно людей: жёны и дочери знатных и богатых беев, ханов, потомков Пророка... Исхаку чудилось, будто он на сказочном пиру. Сиянье глаз, изгибы бровей пробудили в его благочестивом сердце доселе непонятные и неведомые чувства, невозможные быть истолкованными ни на арабском, ни на персидском... В тот же миг из подвешенного на крюк платка на голову чернокожей служанки, открывавшей под ним флакон с благовониями, упали несколько капель молока. От неожиданности она вскрикнула. Юсуф, сняв с крюка узелок, предостерёг брата:

— Будь осторожен, святой дервиш, здесь полно шейтанов!

Исхак вмиг осознал, что в считанные минуты чудо может исчезнуть и он рискует утратить дарованную Аллахом милость, обретённую долгими годами поста и лишений. Всю ночь до самого рассвета, не смыкая глаз, он истово молил Всевышнего о прощении, а наутро решил незамедлительно возвратиться в свою пещеру.

— Несчастный мой брат Юсуф! Сколько же у тебя за все проведённые в этом месте годы скопилось грехов, если даже я, самый благочестивый, самый отрешённый от мирских соблазнов праведник, за какие-то минуты не устоял перед искушениями?! Брось все свои мирские дела! Разведись с женой, отправь детей к друзьям, закрой

лавку! Давай вместе удалимся в пещеру! Иначе не ходить братьям рука об руку на этом свете и не встретиться в раю в мире ином...

Юсуф задумался.

— Если ты принял такое решение — возвращайся к себе... Пусть Аллах дарует тебе благополучие. Я тоже постараюсь что-нибудь предпринять.

После некоторых раздумий добавил:

— Даже если принесённое тобой молоко истечёт из узелка — пусть Всевышний будет доволен тобой за твоё беспокойство о нас... Полагаю, временами в пещере ты нуждаешься в огне. Вот, возьми его немного.

С этими словами он развернул вынутый из кармана платок: на нём пурпурной розой полыхал негаснущий уголёк...

Постигнув глубину святости брата, Исхак припал к его ногам... и остался помощником в лавке Юсуфа, озарив её и своей непорочностью.

Оба они были состоятельны и известны ниспосланными Аллахом чудесами. Когда они упокоились, над их могилами воссиял свет... Возведением усыпальниц они не обременили своих близких, поскольку заблаговременно отложили на это часть своих заработанных денег... Да не лишит их Аллах своего заступничества! Аминь.

Вышесказанное достоверно, подтверждено преданиями мусульман и свидетельствами многих книг.

Что же касается сомневающихся в правдивости изложенного — подтверждение этому они найдут во многих других науках.

Перевод с крымскотатарского Ш. Абдурамановой

Переводчик выражает благодарность доктору филологических наук Нариману Семтеягяеву за консультативную помощь в интерпретации арабского.

МУНДЕРИДЖЕ

«Я джуртны кьоруй да сюремиз омюр...» <i>Эмиров А.</i>	6
Тынч татар чёлюнде!..	16
Ах, табылсам!..	18
Такъдирге	22
Бир эсирнинъ баш ташына.....	26
Ой сувукъ шу гъурбет!.....	30
Эзан сеси	34
Тувгъан тиль.....	38
Анам	42
Сен денъишме!.....	46
Думан	48
Бинъ докъуз юз он докъуз	52
Къарт Дунай, къарт Дунай.....	54
Бир изин беринъиз!.....	58
Къарангъы, сувукъ.....	62
Къайтарма.....	64
Келеджек	68
Кечмиштеки сучларымыз	74
Чоюн джол ишчилери	78
Къызыл шарап, эски шарап ичийим	82
Яхшы олюм!	84
Бир сарай къураджакъман!..	86
Булутлар, булутлар!.....	90
Къарт черкес	94
Яныкъ къавал.....	98
Балтыкъ ялысында	102
Юз алтмыш йыл!.....	106
Он дёрт джашымда. <i>Икяе</i>	110
Эки дервиш. <i>Икяе</i>	144

СОДЕРЖАНИЕ

«Мы живём, чтоб беречь наш родимый край...» Эмиров А.	7
В тихой татарской степи... (Пер. О. Голубевой)	17
Ах, появиться бы... (Пер. О. Голубевой)	19
Судьбе (Пер. С. Дружинина)	23
На могильный камень пленника (Пер. С. Дружинина)	27
Как холодна эта чужбина (Пер. С. Дружинина)	31
Звуки эзана (Пер. С. Дружинина)	35
Родной язык (Пер. С. Дружинина)	39
Мама (Пер. О. Голубевой)	43
Ты не меняйся (Пер. О. Голубевой)	47
Туман (Пер. С. Дружинина)	49
Тысяча девятьсот девятнадцатый (Пер. О. Голубевой)	53
Старый Дунай (Пер. С. Дружинина)	55
Разрешите лишь раз... (Пер. О. Голубевой)	59
Холодно, темно... (Пер. С. Дружинина)	63
Хайтарма (Пер. С. Дружинина)	65
Будущее (Пер. С. Дружинина)	69
Наши прошлые провинности (Пер. С. Дружинина)	75
К строителям чугушки (Пер. П. Макухи)	79
Выпью красного старого вина (Пер. О. Голубевой)	83
Хорошая смерть (Пер. О. Голубевой)	85
Я дворец воздвигну!.. (Пер. С. Дружинина)	87
Облака, облака! (Пер. О. Голубевой)	91
Старый черкес (Пер. С. Дружинина)	95
Печальная свирель (Пер. С. Дружинина)	99
На берегу Балтики (Пер. П. Макухи)	103
Сто шестьдесят лет (Пер. С. Дружинина)	107
В четырнадцать лет. Рассказ (Пер. Ш. Абдурамановой)	111
Два дервиша. Рассказ (Пер. Ш. Абдурамановой)	145

Литературно-художественное издание

Чобан-заде Бекир

В ТИХОЙ ТАТАРСКОЙ СТЕПИ...

Стихотворения, рассказы

Составитель **А. Р. Эмиров**

Редакторы: *Н. И. Бекиров, Н. Ю. Сеитвелиева*

Художник *Р. И. Ваапов*

Компьютерная вёрстка и дизайн *Э. Р. Аджалимова*

Подписано в печать 06.06.2023. Формат 70х90¹/₁₆.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,7. Объём 10,0 печ. л.
Тираж 300 экз. Заказ № 249.

ГАУ РК «Медиацентр им. И. Гаспринского»
295048, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Трубоченко, 23а.
E-mail: mediacenter2015@mail.ru | ОГРН 1159102113455

Отпечатано в ООО «АЛЬТАИР»
Юр. адрес: ул. Петрозаводская, д. 32А, кв. 22,
г. Ростов-на-Дону, Ростовская область, 344103
Почтовый адрес: 344064, г. Ростов-на-Дону, ул. Вавилова, 55
тел. 8-958-544-59-27, факс 8(863)219-84-25
oooaltair__office@mail.ru

РКБ им. И. Гаспринского

5011-54184